

Леонард Солтон

Леди с Дубиной

16+

Леонард Солтон
Леди с дубиной

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Солтон Л.

Леди с дубиной / Л. Солтон — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эмма – крупнее тех, кто обычно становится героинями сказочных историй, но пусть вас не смущает её размер. За внушительными габаритами скрывается светлая, чуть ранимая душа. Увы, согласно суровым традициям её племени, попытка стать четвёртой женой правителя народа холмов и близлежащих гор оборачивается для девушки изгнанием – это цена для дерзнувших, но не прошедших последнее испытание. Так Эмма, не знакомая с большим миром, покидает родные края и отправляется в путешествие. К счастью, огромная дубина, ироничный настрой и пытливый ум не подводят свою хозяйку даже в самых неожиданных приключениях.

© Солтон Л., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая. Бобровая капуста	5
Глава вторая. Стеклодуй Тихоход	10
Глава третья. Радужные болота	14
Глава четвёртая. Знакомство с Ним	22
Глава пятая. Лихорадка	32
Глава шестая. Город	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава первая. Бобровая капуста

Горечь поражения и чувство глубокого одиночества увесистым булыжником вновь навалились на моё сердце. Камешек поменьше я нервно крутила в руке, уныло уставившись на ковёр луговых трав, застилающий пологий склон небольшого холма. Конечно, пейзаж совсем не тот, что дома, но всё же холмы и камни с детства действовали на меня успокаивающе – правду говорят, есть что-то такое в нашем роду.

– Эй, красавица, отчего грустишь-то?! Расскажи, чего стряслось, у меня от всего действенные средства найдутся! – Выкрикнул невесть откуда взявшийся гном плутоватого вида. В подтверждение своих слов он выхватил из недр потрёпанной повозки, запряжённой флегматичным осликом, подозрительно мутноватый пузырьёк и принялся размахивать им, словно обвинитель неопровержимой уликой в суде. – Поведай, не стесняйся! Я-то знаю вас, молодух, небось из-за мужика какого нос повесила, так у меня и на этот случай бутылочка имеется.

Прежде, чем гном успел погрузить свою бороду в кучу склянок гордо именуемую: «действенные средства», камень, повинувшись моему движению, рванулся из руки и с треском врезался в молоденькое деревце, едва не повалив его поперёк дороги. Ослик дёрнул ухом – давая понять, что назойливая действительность всё же привлекла его внимание, а незадачливый торговец ошалело уставился на меня.

– Ты это... ты это чего?! Не хочешь мужиков – не надо, чего ж так переживать-то. У меня и от нервов средство есть, всего пять медяков, тебе за четыре отдам...

Моя рука потянулась к лежащей рядом деревянной дубине. Гном смерил меня взглядом и нервно сглотнул:

– Понял, понял, стало быть, не мил тебе честный торговец-то, а с виду такая незлобивая... Ухожу-ухожу. Я завсегда понимаю, коли мне не рады, да и заждались, небось, меня постоянные покупатели уже. Ждут, значиться, как спасителя, так что я это... пойду.

Проницательный торговец ловко подхватил под уздцы ослика, всё так же пребывающего в смиренном покое, и спешно засеменял прочь. Слезинки проступили в уголках моих глаз. Стиснув зубы, я несколько минут наблюдала за удаляющейся коренастой фигурой, и позволила себе разреветься, лишь когда она окончательно скрылась за очередным пригорком.

Вы не подумайте ничего такого, обычно я не реву, как испорченный ребёнок, и народ не пугаю. Просто изменилось всё. Очень быстро. Меньше недели назад я стояла в окружении своих близких на вершине Великого Холма Гуран-Таннанг, в самом сердце наших земель, а теперь вынуждена скитаться без малейшей надежды на возвращение.

Увы, но наши традиции крепки и суровы, как кожа на пятках горного великана. Впрочем, мне некого винить. Я шла за своей мечтой и с самого начала знала цену поражения. Какая девочка не мечтает стать принцессой? Или выйти замуж за короля? Вот и мечтала, что когда вырасту, стану четвёртой женой славного Владыки Таннанг-Уру. И мне почти удалось. Почти.

Тоска удавкой стянула горло, не давая вдохнуть полной грудью, когда перед внутренним взором возник последний этап ритуала Стоящих Камней – выбор Владыки. Десяток состязаний и испытаний остались позади. Из сотни претенденток до конца дошли лишь трое, включая меня. Мои золотисто-каштановые волосы струились по плечам, перехваченные плетёным серебряным обручем – знаком наречённой невесты, таким же, как и у других претенденток. Торжественный наряд тонкой работы плотно облегал фигуру, юбка открывала изящные икры, охваченные ремнями лёгких сандалий. В тот миг первый раз по-настоящему ощутила себя красавицей, и в душу мою закралась надежда, что Владыка предпочтёт меня прочим. Поговаривали, что женские икры его слабость, как и высокий рост, но им похвастаться я, увы, не могла.

Надежды мои разбились, как яйцо птицы Токко в руках неумелого повара, когда я увидела её... И без того рослая девица в платье до пола стала ещё на полголовы выше, в движе-

ниях прибавилось благородства и стати, формы округлились. Боги, что за магия ей помогла?! Ах, если б я знала, как ей это удалось! Конечно, он выбрал её, а меня и вторую несчастную, согласно древнему обычаю, изгнали старшие жёны и новая избранница. Ибо, гласит завет:

*«Злоба невест наречённых
сгубила Таннанга Могучего,
гнев их страшней на смерть обречённых,
яд их опасней паучьего.
Достойные жёны, коль здравия мужу хотите,
отбросьте сомненья и прочих гоните!»*

Так я потеряла мечту и ту жизнь, к которой привыкла. Наревевшись, уставилась вдаль опухшими глазами. Бульжник, уютно устроившийся на моём бедном сердечке, упорно не желал сваливаться. Трезво рассудив, что деваться мне некуда, постаралась взять себя в руки и для начала пообедать. Тем более за рекой маячила деревенька, застилающая сизым дымом печных труб уютную низину. Извилистая дорога, изрядно петляя, следовала причудливому ландшафту, и я решила рвануть напрямую, через кусты, мимо стада коровок и чахлой лошадки, мирно пасущихся на склоне. Мне не привыкать к бездорожью, к нему у меня лёгкая слабость, с детства тянет на неисхоженные тропки. Подхватив плетёную котомку и закинув дубину на плечо, я отправилась навстречу обеду. Кажется, последнюю пару слов произнесла вслух.

Стоило мне с треском врезаться в кусты, окружающие полянку с аппетитно хрумкающими животными, как из зарослей с воплями выскочил паренёк в соломенной шляпе и со всех ног бросился к кобылке. Конечно, когда пореву, видок у меня такой, что самое оно крестьянских детей пугать, но не настолько же! Я ведь чуть не стала четвёртой женой Владыки Таннанг-Уру, а сейчас, подумаешь, глаза чуток покраснели. Впрочем, гнаться за беглецом в шляпе с криками: «Постой, малыш! На самом деле я не страшная!», – было бы совсем глупо. Паренёк тем временем оседлал престарелую кобылку, которая с невиданной для старушки прытью помчалась в сторону деревни. Тем лучше, там и свидимся.

Ожидая встретить ещё кого-нибудь и размышляя о подозрительном сходстве холма с проходным двором, неспешно отправилась дальше. Вопреки ожиданиям, мне попалась лишь небольшая рощица диких яблонь. Решив, что брезговать в моём положении не стоит даже такой мелочью, закинула пару горстей кисловатых плодов в заплечную котомку.

Без дальнейших происшествий добралась до горбатого деревянного мостика, неуклюже нависающего над мелкой речушкой. Сразу за мостом сходилась несколько дорог, образуя вытопанное поле, исполняющее роль базарной площади. Дальний его конец плавно переходил в ту самую деревушку, что приглянулась мне с холма. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – сытный обед с крестьянских огородов сегодня вряд ли светит.

Лотки торговцев разнообразной снедью сиротливо ждали хозяев, побросавших товар на прилавках. Зато ближе к центру площади сгрудилась толпа зевак, пёстрым кольцом окружившая недавних знакомых: гнома и бесстрастного ослика с философским взглядом. Лезть к буйной толпе с вопросами о еде, да ещё и в незнакомом месте – пожалуй, опасно. Так что благо-разумно решила прислушаться.

– Я тебе говорю: у меня капусту огнёвка с бабанухой пожрала, дай де, гноме, средство какое от напасти! А ты мне, окаянный, чего подсунул?! – Худошавый мужичонка наседавал на гнома, размахивая охапкой негнущихся капустных листьев.

– Так чего тебе надобно-то, не жрут ведь! – Парировал бородатый торговец.

– Теперича её токмо бобёр угрызть может! – Пучок капустных листьев с размаху угодил гному в плечо и разлетелся фонтаном зелёных щепок. От удара гном слегка присел.

– А деду моему чего этот прохиндей всучил! – Потрясая кулаками, напирал с другой стороны бородатый детина в холщовой рубахе. – Обещал: зелье долголетия любому прибавит, с кровати и хромого подымет! Так дед Гердон битый час над лавкой висел, руками-ногами сучил,

на землю ступить не мог, пока Елфан ему молот кузнечный за шиворот не сунул. Старика вмиг к земле привалило, да так об лавку приложило, что искры из глаз чуть хату не спалили.

– Обещал поднять, вот и поднял! А искры-то не из глаз были, это, небось, заклятье лопнуло, натуги не выдержало, – менторским тоном ответил гном, безуспешно пытаясь придать себе солидный вид. Дело осложнялось застрявшими в бороде щепками от капусты.

– Ох, люди добрые, а с моим Фомиром этот проходимец что сотворил?! – Запричитала вывалившаяся из толпы дородная женщина в цветастом переднике, – обещал снадобье приворотное, чтоб кровь подогреть, да страсть былую разжечь.

Вокруг прокатилась волна смешков – щёки матроны покрылись румянцем, но она не отступала:

– Я всё сделала, как этот прощелыга сказал, мужу перед обедом вместо молока крынку с зельем этим треклятым поднесла. Тот принялся, крякнул, крынку разом в себя опрокинул, а после хитро так на меня посмотрел и говорит: «Надобно второе гномье зелье испробовать», – да в сарай подался. Я за ним, там второй бутыль стоит, что давеча Фомир купил, чтоб язык скотины понимать и хозяйство под неё устроить. Значится, он и этот бутыль в себя опрокинул, да с Молошей полез обниматься, то бишь, с коровой нашей. Весь день мычит, лыка не вяжет!

– Да от твоего Фомира сивухой разит! Проспится он, не бойсь, – выкрикнул кто-то.

Толпа взорвалась хохотом, матрона, побагровев, полезла на гнома с кулаками, однако мужики удержали:

– Негоже самим расправу чинить, за старостой послали, придёт и по чести рассудит.

Тем временем со стороны деревни к базарной площади приближался десяток наспех вооружённых крестьян, во главе с седовласым дядькой крепкой наружности. Рядом крутился тот самый паренёк в соломенной шляпе, что помог вспомнить былую прыть престарелой кобылке. Его обиженный голос мне удалось разобрать даже сквозь гомон толпы:

– Не пил я гномьего зелья, дядь Замар, честное слово... ох, вот же она! – Самым невежливым образом парень ткнул пальцем в мою сторону.

Шум стих. Только невозмутимый ослик неторопливо жевал невесть чем приглянувшийся ему кусок ткани. Я слегка смутилась, чувствуя на себе пристальное внимание, и, не придумав ничего лучше, картинно опустила дубину перед собой, сложив на неё руки – так делали рыцари на рисунках в моих любимых книгах.

– Здравствуйте, – после секундного замешательства произнесла я максимально любезным тоном. Получилось не очень убедительно.

Ответным приветствием стал опасливый ропот. Дядька по имени Замар поспешил со своим войском к толпе в центре площади. Дружине его надо отдать должное: мужички хоть и спали с лица, но всё же оцетинились кто чем мог, загораживая собой народ. Убедившись, что я не мчусь на них в неудержимом желании понаделать лепёшек, сельский глава сделал пару шагов вперед:

– И тебе не хворать, зачем пожаловала?

– Пообедать, – красноречие не мой конёк, когда на меня смотрит такая толпа.

– Вот! Вот! Я же говорил! – торжествующе закричал юный владелец плетёной шляпы, а мужик в кузнечном фартуке поудобнее перехватил здоровенный двуручный молот. Бедный дед Гердон, если ему эту штуку за шиворот сунули.

– Извольте обождать... – деревенский голова замялся, видимо, пытаясь подобрать подходящее слово, – сударыня.

– Изволю, – боги, да что ж с языком моим, я ж могу нормально разговаривать, а не по одному слову выдавать.

Седовласый предводитель кивнул, степенно развернулся и с заметным облегчением спешно погрузился в толпу селян, окруживших гнома. Сквозь толчею и гвалт мне никак не

удавалось разобрать, что там происходит. Впрочем, один раз получилось разглядеть напряжённое лицо гнома, выражавшее решительное несогласие обладателя с происходящим.

– Мы подгорный народ уважаем, но и за ущерб ответ держать надобно! – Староста перекрыл своим голосом общий гомон, толпа вновь затихла, ожидая продолжения представления, и оно не заставило себя долго ждать. Убелённый сединами глава снова вышел вперёд и начал свою речь, в этот раз более уверенно, очевидно, заранее подобрав слова:

– Сударыня великанша, извольте гномом откусать, а нас, стало быть, и животину нашу не трогайте.

– Не великанша, а гигант холмов. Великаны – родственная нам ветвь, но совсем другой народ: они крупнее, босиком ходят, не говорят почти, – дядька Замар, похоже, не оценил моего наконец проснувшегося красноречия, из-за чего я слегка замялась и быстро закончила: – И вообще вегетарианка я.

– Вегетарианка... это что ещё за напасть такая, – пробурчал себе под нос седовласый предводитель селян и менее уверенно продолжил: – Смилуйтесь, сударыня вели... кхм... гигантша...

– Гигантесса, – с неожиданной для себя усмешкой вставила я, окончательно смутив старосту.

– Ну, коли вегетарианка, осла тогда ещё возьми... те, – чувствуя поддержку начинающей роптать за спиной толпы, быстро нашёлся староста.

Я вздохнула – объяснять селянам идею вегетарианства было, пожалуй, бессмысленно. Гном смотрел на меня жалобными глазами, как кот, надеющийся получить ложку густой сметаны с хозяйского стола. То ли просил помочь, то ли и правда решил, что рискует стать моим обедом.

– Ладно, давайте ослика и этого вашего гнома, – произнесла я без всякой надежды на сытную трапезу, отчётливо понимая, что после такого спокойно купить на рынке капустки уже не получится.

Толпа расступилась, несколько дружинников тычками отправили гнома к неказистому мостику. Ослик, продолжая держать в зубах какой-то недоеденный кусок, не спеша заковылял следом. Когда гном оказался на моей стороне, я не придумала ничего лучше, чем опустить заплечную котомку на землю и засунуть туда кряхтящего бородача. Гном помещался плохо, но хорошо, хоть не сопротивлялся.

– Яблоки мне не помни, – шепнула я ему на ухо.

Гном кивнул и каким-то чудом всё-таки втиснулся, утрамбовав мои пожитки. Не глядя, отобрала у ослика недожёванный кусок и кинула его поверх гнома. Закрыла котомку и, стараясь не выдать усилий, взвалила её на плечи. Лямки больно врезались в тело, заскрипели, но выдержали.

– Дома доем, – не удержалась от язвительного комментария, глядя на десятки ошарашенных глаз по ту сторону реки. Бедолаги, видно, ожидали, что я прям тут схарчу гнома, осликом закушу, и всё за один присест.

– Хорош голова, одним махом от двух напастей избавил: и гнома проучил, и людоедку ублажил, – донеслась до меня фраза, брошенная кем-то из дружинников.

– Токмо жаль, никто наклад не покроет, – буркнул в ответ худощавый пострадавший от гномьих действенных средств.

– А мы тележку с хламом его продадим.

– И то верно.

С гномом за плечами я двинулась вниз по течению реки, изредка поглядывая назад. Похоже, никто из крестьян следить за мной не отправился – уже хорошо. Бородатый проходец сидел тихо. Ослик с присущим ему хладнокровием семенил следом – это животное определённо начинало мне нравиться, хотела бы я иметь такие же нервы. Удалившись на прилич-

ное расстояние и окончательно убедившись, что меня никто не преследует, опустила котомку на землю. Оттуда незамедлительно показалась голова гнома с яблоком во рту.

– Без обеда меня оставил, ещё и яблоки мои лопаешь! Вылезай, давай, не собираюсь тебя таскать, – хотелось сказать что-нибудь поглубже, но врождённая вежливость взяла верх. Повторять не пришлось, натужно кряхтя, гном выбрался на траву. – Может, представишься? Я всё-таки тебе жизнь спасла.

– Пффф, – зашипел гном, словно капля воды, упавшая на раскалённый камень, – чтоб они мне сделали-то? Пошумели бы, да отпустили, чай не первый раз...

– Вообще-то они великану-людоеду тебя скормили, – с насмешкой заметила я, – это ничему не научило?

– Гиганту холмов, – надулся гном.

– А, ну, это совсем другое дело, – глумливо продолжила я.

– Спасибо тебе, гигантесса, – гном надул щёки и запыхтел, как забытый на огне чайник. – Спасибо, что без повозки-то меня оставила, без реторты, без ступки, без куба перегонного, без змеевиков медных! Всё в ней было! Какой я теперь алхимик-то без алхимических аппаратов! А ей яблочка жалко!

Продолжая бурчать в бороду проклятья, неблагодарная жертва спасенья схватила ослика под уздцы и зашагала прочь. Так я снова осталась наедине с собой и, что значительно хуже, со своими мыслями.

Глава вторая. Стеклодуй Тихоход

Стараясь ни о чём не думать, что, впрочем, мне удавалось плохо, весь день я брела вдоль реки. Рассудив, что раз люди любят селиться у водоёмов, значит, рано или поздно мне попадётся какое-нибудь селение. Конечно, можно было перейти мелкую речку вброд и отправиться по дороге, однако, поразмыслив о том, как отреагируют на встречу со мной случайные путники, отказалась от этой идеи. К тому же все дороги, ведущие из той деревеньки, уже давно пропали из вида. Да и слухи о моём триумфальном появлении, наверняка, поползут по наезженным трактам, а мне хотелось начать с чистого листа. Была бы у меня карта, как в Хранилище Знаний у Одулона Заключённого, я бы придумала что-нибудь получше. Тем временем сияющий солнечный диск, краснея, опускался к горизонту. Страшно хотелось есть. За день из съестного мне попало только несколько луговых трав, годящихся в качестве приправ, и куст дикого крыжовника, ещё более кислого, чем мои яблочки. Похоже, придётся поглощать и без того оскудевшие за неделю вынужденных скитаний запасы.

На ночлег я устроилась на пригорке, возле опушки леса. Вид оттуда открывался сказочный. В закатном свете поблескивающая медью вода неспешной речушки казалась тягучей, покрытые невысокой травой волны холмов навевали умиротворение. Мир, как в детстве, снова представлялся добрым, манящим, зовущим к приключениям. Мне даже подумалось, что, может, оно и к лучшему, что я не стала четвёртой женой Владыки.

Однако солнце зашло. Вместе с темнотой явился и ночной холод – особенно коварный в этих местах поздним летом. Сытому гиганту такая мелочь была бы нипочём, но с моей вынужденной диетой он ощущался необыкновенно остро. Мир свободы и путешествий стремительно становился менее привлекательным. Пришлось развести огонь, благо сухого валежника на опушке хватало, я даже предусмотрительно притащила несколько лишних деревьев покрупнее, чтобы хватило на всю ночь. Устроившись поудобнее, внимательно изучила и аккуратно разложила собранные за день травы – получился отличный гербарий.

Пустой желудок требовал всё больше внимания к себе, намекая на то, что гигантам положено хорошо питаться. Не придумав ничего лучше, закинула в рот кислое яблочко – от этого сомнительного удовольствия у меня свело скулы, а язык чуть не свернулся трубочкой. Несмотря на голод, жевать подобную гадость не хотелось. Что ж, такая находчивая девушка, как я, может даже эдакое вяжущее недоразумение превратить в неплохой компот. Особенно, если добавить в него крыжовник, мяту, и что там у меня ещё нашлось – благо за день набрала этого добра достаточно. Сбегала за водой к речке, и кулинарная импровизация ненадолго захватила меня с головой.

Вскоре на огне коптился походный котелок. Ещё бы добавить туда чего-нибудь сладкого... Облизнувшись, посмотрела на горшочек меда, отложенный на чёрный день – хорошо хоть бородатый проходимец не разбил его, пока катался у меня за спиной. Кстати, этот прохиндей кое-что оставил мне в наследство: затвердевший капустный лист и недожёванный осликом кусок ткани. Страшно захотелось капусты, которой я так и не купила утром. Не раздумывая, надкусила капустную щепку – крестьянин на рынке был не прав. Жевать такое даже бобыры бы отказались, на вкус как осина, только жутко горькая.

Настал черёд ослиного трофея. При ближайшем рассмотрении он оказался не куском ткани, а обрывком грубого пергамента со схематичным изображением портика с четырьмя колоннами, по бокам от него стояли рослые воины с пиками. Надпись на пергаменте гласила: Библос Титанум – святилище знаний... Волею равных богам, светоч мира, погрязшего во тьме невежества, приглашае... – остальная часть объявления, очевидно, была успешно сжёвана голодным животным. Впрочем, я отлично понимала хвостатого товарища – сама сейчас была готова есть всё, что попадает на глаза. Разглядывая лист, отметила ещё одну неприятную

параллель, объединяющую меня с осликом – так же, как и он, бесцельно слоняюсь по миру. Хотя на его счёт могу ошибаться. А вот мне точно пора выбрать для себя какое-то направление, и за неимением лучшего «светоч мира» вполне подходит на эту роль. Расширять горизонты собственных познаний вполне достойная цель, если делать это творчески.

Компот ещё не закипел, и я придвинулась ближе к огню – пламя напомнило мне время, проведённое в Хранилище Знаний Одулона Заключённого, когда мы часами сидели, разговаривая перед грубо сложенным камином. Свою историю хранитель знаний мне так и не поведал. Я знала лишь, что несколько десятков лет назад он поклялся не покидать холм Лежащих Костей – названный в честь скелета древнейшего существа невероятных размеров. Только грудная клетка этого монстра в длину была не меньше сотни моих шагов. К сожалению, нашим звероловам не удалось выяснить, принадлежал ли скелет исполинскому ящеру или представителю какого-то другого вида. Головы и конечностей этого существа не сохранилось, если они у него, конечно, когда-то имелись, а прочие видовые признаки противоречили друг другу. Старейшины же не знали легенд и сказаний, связанных с останками сверхъестественной твари, кроме тех, в которых они упоминались, как лежащие там изначально.

Многие гадали, почему Одулон обрёл себя на вечное заключение в этих костях. Ходили слухи, что узника держит какая-то магия, я же всегда считала, что однажды данное слово держит его стократ надёжней.

До того как стать заключённым, Одулон был известен своей мудростью – гиганты и великаны шли к нему за советом, тайными знаниями и толкованием снов. Челобитники несли с собой: съестные припасы, инструменты, дерево, камень, свитки – всё, что могло стать платой тому, кто не покинет огромных костей. За проведённые на холме годы, поверх остова древнего монстра Одулон выстроил каменный чертог и превратил его в легендарное Хранилище Знаний всех высокорослых народов наших земель. Там я и провела большую часть своего детства, слушая невероятные истории, зачитываясь свитками, и всевозможными книгами и главное подолгу обсуждая прочитанное с мудрейшим представителем нашего рода.

За этими мыслями я сама не заметила, как тоска навалилась на меня с новой силой – чем-то мы были похожи: Одулон был обречён провести жизнь в костях древнего монстра, я – вдали от дома и родичей. Предательские слёзы вновь сами собой наворачивались на глаза. Нет! Во что бы то ни стало, не буду реветь! Одулон смог обустроить свой мир, и я смогу.

– Стеклодуй Тихоход, – вкрадчивые слова прозвучали так неожиданно, что я подпрыгнула, раскидав травы, приготовленные для компота; гербарий снова придётся собирать. – Меня зовут Стеклодуй Тихоход, – повторил голос из темноты, – всё-таки нервная ты какая-то.

За голосом появилась борода, а уже вслед за ней – гном и смиренная морда ослика.

– Опять ты! Напугал, чертяка! И как ты ко мне подбираешься всё время?! – выпалила я.

– Потому-то и Тихоход, а не оттого, что хожу медленно.

– А Стеклодуй почему? – само собой вырвалось у меня.

– Понятно почему, потому что стекло дую, бутылочки изготавливаю, – беззлобно ответил гном, – а ещё это... алхимик в общем.

– Тебя правда так зовут? – удивилась я.

– Нет, конечно, прозвища это. Настоящие имена-то тебе знать не положено, не обессудь.

– И чего тебе надо? Опять пришёл мне бутылки свои продавать? – рыкнула, ещё не отойдя от испуга.

– Я это-то... извиниться хотел, – гном виновато опустил глаза, – вспылит я, в общем.

От удивления у меня в прямом смысле отвисла челюсть. Извиняющийся гном – это что-то невероятное, о таком не рассказывалось ни в одной книге и ни в одной, даже самой сказочной, истории. Ведь гномы испокон веку известны своей обидчивостью, твердолобостью и нежеланием признавать ошибки. Кое-кто даже поговаривал, что извиняться им запрещают верования, древние, как сердце земли.

– Эмма, – оценив уникальность момента, я протянула руку в традиционном приветствии низкорослых народов. Ладонь гнома потерялась в моей, но, несмотря на размер, оказалась твёрдой и на удивление крепкой.

– Смотрю, у тебя чай-то закипает, – гном указал взглядом на булькающий котелок.

– Компот это, – всё ещё не отойдя от удивления, ответила я.

– Тем лучше, – на мгновение гном исчез в темноте и появился с парой увесистых мешков, помедлив, протянул мне ближайший, – к нему пирожки с капустой в самый раз подойдут, тебе понравятся.

– Мои любимые! – искренне обрадовалась я, – как ты догадался?

– С чего б ты ещё деревянную капусту-то кусала?

Зелёный лист с отпечатками зубов валялся прямо у меня под ногами.

– Может, у тебя сахар имеется? – слегка смутившись, я попыталась поскорее сменить тему, – а то компот кислотавый получается.

– Отчего же нет-то? Есть.

Гном вынул из-за пазухи небольшой мешочек, чем окончательно искупил грехи и покорил моё сердце – как друг, разумеется.

– Ой! Давай лучше мёдом заправлю – пир богов будет.

– Эммм... – протянул задумчиво бородатый. – Эмма, то есть, нам гномам нельзя мёд. Вот возьми! – заявил новый знакомец, настойчиво протягивая мне мешочек с сахаром.

– Ну конечно, нельзя, – усмехнулась я, – не смей меня! Столько читала про вас, вы же его обожаете, напитки из него варите и так лопаете.

К этому моменту я уже справилась с завязкой, стягивающей горлышко, и аккуратно открыла горшочек.

– У меня-то, алл... аллергия на него! Вот! – запоздало нашёлся гном, отступая в темноту.

– Ах, ты ж жук подгорный! Полгоршочка сожрал! Сейчас ты пятнами пойдёшь у меня! – взревела я. – Когда успел только, ещё и завязать, как было, умудрился! Пришибу проходимца, аллергия у него! – для убедительности даже схватила за любимую дубину.

– Яблочки-то больно кислые у тебя были, а гномам надобно хорошо кушать... – несмотря на мой угрожающий вид, Тихоход не предпринял попытки к бегству, но и извиняться второй раз не стал, только вновь виновато потупил взор.

– А гигантам, значит, не надо?!

– Гигантам-то тоже надо, – промямлил коварный похититель меда и протянул мне второй мешок, – эти вот пирожки тоже возьми, с морковью. Я тогда с тобой-то еще не знаком был, – вяло оправдался любитель чужих припасов, – и сахар-то тоже забирай.

После такой взятки сердце моё вновь оттаяло. Пришлось простить бородатого проныру.

– Ты мне теперь по гроб обязан, считай, два раз жизнь спасла! Второй, когда за мёд не прихлопнула, – пояснила я, отвечая на недоумённый взгляд гнома.

– Гномы друзей-то не забывают, да и врагов не прощают, – многозначительно ответил новый приятель. – Скажи лучше, откуда ты слова-то такие знаешь? Вегетарианка она, видите ли, и про аллергию поняла. Неужто гигантов в заведениях каких учить стали?

– Может, и стали, – рассказывать гному про Одулона Заключённого мне показалось неуместным, всё-таки этот пройдоха зарекомендовал себя не лучшим образом, и сразу раскрываться перед ним опасно.

– Коли не хочешь говорить-то, не говори, – пожал плечами гном и невесть откуда извлёк кружку размером чуть ли не со свою голову, как бы намекая на долю компота.

– Погоди, мёд всё-таки добавлю, травки ещё брошу, и настоится пускай чуток.

– Надобно нам оборудование моё добыть, – не обращая внимания на мои хлопоты, продолжал бородач.

– Нам? – удивилась я.

– А у тебя-то дела поважнее имеются? – скептически посмотрел на меня гном.

– Завтра вечером я совершенно свободна, – игриво ответила я. Стеклодуй не оценил моей неуместной шуточки и снисходительно покачал головой. Не помогло даже то, что я кокетливо наклонила голову и состроила глазки.

– Так вот, значится, нам надо аппараты-то мои достать, а то какой алхимик-то без аппаратов алхимических. Бздынь один, а не алхимик, – я хотела вставить комментарий, что, судя по постоянным клиентам, готовым скормить благодетеля ближайшему людоеду, он и с аппаратами не очень, но вовремя вспомнила про обидчивость гномов. К тому же наглядно убедилась в её существовании. Между тем Тихоход продолжал, – на болотах-то схран у меня имеется. Недалече тут, к завтраму управимся.

– Ладно, сходим за аппаратами твоими, – согласилась я, помешивая компот и всухомятку уплетая пирожок с капустой – и правда вкусный.

– А ты сама-то куда путь держишь? – Спросил гном, набивая табаком причудливую трубку.

– Сюда, – протянула ему погрызенное осликом объявление, попутно гадая, откуда этот проходимец извлекает полезные предметы.

– Стало быть, в Библос Титанум и на кой ляд-то?

– Написано же: приглашает. Чего от приглашения отказываться? И вообще, читать люблю, – ответила я, пробуя своё варево – получилось недурственно.

– То-то у тебя с собой дубина вместо книжек, – съехидничал гном, протягивая кружку.

– Между прочим, учит не хуже, – вставила я шпильку, наполняя до краёв его посудину, – угощайся, интеллигент бородатый.

Однако вместо возмущений мой визави удовлетворённо кивнул и, запивая ароматным компотом, с завидной скоростью принялся уплетать пирожки, умудряясь при этом степенно покуривать трубку. Очевидно, в этом ему помогал какой-то особый природный талант.

На сытый желудок прохлада ночи показалась лишь нежной свежестью.

Глава третья. Радужные болота

С восходом солнца раскрылась одна из тайн – я стала свидетелем того, как гном лёгким взмахом руки сложил свою вместительную кружку, превратив её в подобие концентрических колец, крепящихся на металлическом диске-основании. В таком виде кружка занимала намного меньше места и легко крепилась в специальном отделении на поясе. Там же нашлось место для походной трубки, ножа и дорожного фонаря. Разгадать назначение остальных предметов мне не удалось. Наверно, я ненормальная девочка – платишек мне почти никогда не хотелось, зато такой же походный набор, только под мой размерчик, незамедлительно появился в списке моих желаний.

При утреннем свете я, наконец, разглядела и ослика, не то чтобы его физиономия быстро преобразилась, в этом плане изменения вообще не его конёк. Однако он обзавёлся обновкой – на его спине крепилось необычное седло, к которому был приторочен боевой молот и сумка с припасами. Перехватив мой взгляд, гном, усмехнувшись, прокомментировал:

– Думаешь, у меня один схрон-то имеется? – и, укоризненно глянув на меня, добавил: – пойдем, что ли, чего копаешься-то.

Мне оставалось только затушить тлеющие угли, побросать пожитки в котомку и взвалить дубину на плечо. Уходя, я кинула тоскливый взгляд на хоть и пологие, но милые моему сердцу холмы. И поспешила вслед за гномом и его верным осликом, стремительно углубляющимися в лес.

Узкая стёжка вскоре затерялась в едва проходимой чащобе. Будто назло, самые толстые и узловатые ветви располагались как раз на уровне моих плеч, норovia зацепиться за одежду и скрыть плотным покровом листьев и без того едва различимую тропку. Застряв одной ногой в кустах и наткнувшись плечом на очередной сук, я отчётливо поняла, почему не существует лесных гигантов – с той грацией, с какой я продиралась через заросли, нашему народу только белок смешить. Однако следует отдать должное гному. Стоило мне пару раз замешкаться, борясь с кронами деревьев, как мой бородатый друг начал выбирать дорогу, больше подходящую моим габаритам. Идти стало чуть легче. Но я по-прежнему плохо видела, на что наступаю, и если бы не низкорослый проводник, то наверняка влетела бы в какой-нибудь овраг. Всего пара царапин и несколько часов упорных усилий – и непролазное чернолесье начало постепенно редеть, рождая во мне надежду на более приятный путь. Деревья становились чахлее, а их изломанные ветви уже не создавали столь плотный покров, давая мне возможность видеть чуть дальше собственного носа. Впрочем, не успела порадоваться, как одна напасть сменилась другой – под ногами начало подозрительно хлюпать.

– Куда ты меня завел, Тихоход? – С опаской спросила я, в очередной раз извлекая ногу из топкой грязи.

– Радужные Болота это, – ответил гном, отстёгивая от седла боевой молот.

– Скорее безрадужные, – перед моим взором расстилался однотонный мутно-зелёный пейзаж: затянутые ряской лужи, кочки с жёсткой травой, покрытые мхом стволы деревьев.

– Ты сильно-то не шуми, напасти тут всякой будь здоров водится. Днём тут-то спокойно, а до ночи, стало быть, в лес вернуться надобно.

– А если спокойно, чего за молот схватился?

– Тот дольше живёт, кто себя бережёт, – изрёк народную мудрость мой бородатый друг.

– Логично, – согласилась я с ним. – А кто тут водится?

– Знамо кто: урхулы – свиное племя, их гнездо-то там за лесом, – гном неопределённо махнул рукой, – выползни болотные, камнетопы, кокороты...

– Ко-ко-кто?! – не выдержала я и рассмеялась.

– Кокороты, – с невозмутимым видом повторил Стеклодуй, – ты это давай не болтай, а куда ступаешь-то, смотри, не ровён час в топь угодишь. Чай, не прогулка по лужку, а дело серьёзное.

Несмотря на устрашающее предупреждение, наш совместный поход казался самой что ни наесть прогулкой. Мне с трудом верилось, что какой-то болотный житель решится напасть на гиганта. К тому же каким-то загадочным образом появление попутчика, пусть и такого ворчливого, подняло моё настроение.

Я принялась высматривать гнездо урхулов – мне доводилось читать про этих разумных птиц, живущих в кронах гигантских деревьев. Благо, обзор теперь открывался превосходный, от лесных зарослей остались лишь небольшие островки плотно сцепившихся друг с другом деревьев, к которым мой провожатый даже и не думал приближаться. Сквозь нависшую над болотами дымку мне, наконец, удалось разглядеть тёмный силуэт, напоминающий изливающееся дождём розовое облако, зависшее у самого горизонта – дерево урхулов. Засмотревшись, сделала неаккуратный шаг – моя нога соскользнула с узкой тропки, погрузившись по колено в вязкую тину. От неожиданности я даже чуть вскрикнула. Гном зашипел на меня, как горная львица, охраняющая своих котят:

– Шшш! С ума, что ли, сошла?! Кокороты-то спят, а вот камнетопы вмиг набегут!

Раньше мне ничего не доводилось слышать ни про тех, ни про других. И посему мой разум охотно воспользовался возможностью создать в голове разнообразную армию мерзких существ, норовящих ухватить меня скользкими щупальцами, и отвратительных тварей, пытающихся отложить личинок под кожу. Так что холодная грязь, обхватившая ногу склизкими пальцами, вселила в меня леденящее чувство отвращения. Поддавшись панике, я начала судорожно дёргаться, пытаюсь освободиться. С каждым рывком по мутной глади разбегались тягучие волны, а чавкающие звуки гармонично вливались в маслянистую атмосферу мрачных болот.

– Вот орясина-то вымахала, и ума столько же! На тропу-то ложись, да тяни ме-е-едленно! – продолжал шипеть Стеклодуй.

Слова подействовали отрезвляюще – я бухнулась на дорожку и плавным усилием начала вытягивать ногу. Победа над пугающими объятиями не заставила себя долго ждать. Освободив конечность, принялась внимательно изучать её. Холодный пот прошиб меня, когда я увидела на коже червеподобное существо, размером с мой палец.

– Пиявка ж это, не бойсь, не присосалась ещё, – гном одним движением смахнул гадкую тварь с моей ноги и пришиб молотом. Только брызги в стороны разлетелись. – Жирная-то какая.

– Спасибо, – проямлила я, ещё дрожа от пережитых потрясений.

– Пустяковина, валяться-то ещё долго будешь? Одначе, не в термах мы.

– Угу, не в термах, – угрюмо согласилась, с сожалением разглядывая мокрое пятно, оставшееся от пиявки. Теперь мне было жалко безвременно почившую живность – иногда так трудно быть девочкой. – А кто всё-таки эти камнетопы и кокороты? – поинтересовалась я, отвлекая себя от мук совести.

– Кокороты-то... острова на болоте заметила, с деревьями да камнями? Так-то не острова вовсе, а панцири кокоротовы. Не все, конечно, но их и сам Отец Гор не отличит, пока тварь эта пожрать не надумает. Тела-то у страшилищ этих под водой скрыты. Жрут всё подряд, пасти – что телега моя, на шеях длинных, – гном удручённо замолк, видимо, вспомнив про печальную судьбу, постигшую его телегу.

– А камнетопы? – напомнила я.

– Черепах-то видела?

– На картинках только.

– Так они точь-в-точь такие, только шустрые да клыкастые, панцирь-то их молотом моим не пробьёшь. Скопом кидаются, зубами впиваются, и жертву топить в воду ташат. Отбиваться-то начнёшь, так они лапы прячут, шеи втягивают и висят камнями. Токмо с мясом-то от себя и оторвёшь.

– Жуть, – прониклась я.

– То-то и оно... Потому-то на болотах ночевать нам и не с руки.

– Далеко до схрона-то твоего? – спросила я, отмахиваясь от назойливой болотной мошки.

– Недалече уже, – гном деловито ухватил ослика за повод и заторопился прочь, мне оставалось только поспешить за ним.

Через пару часов, не выдержав томительного молчания, вновь решила пристать к своему спутнику:

– А что там вдалеке, за камышами? – я указала на смазанные дымкой тёмные контуры, торчащие из позеленевшей воды.

– Вот прицепилась-то с вопросами, точно репей к бороде, – проворчал гном, но всё же остановился, присматриваясь, и даже забавно подпрыгнул, пытаясь разобраться, что находится за плотными зарослями. – Не вижу ничего. И не камыш это, а рогоз, – пробурчал он наконец.

– Какой ещё рогоз? Самый настоящий камыш, как в книжке: листья прямые, початок бархатистый, бурого цвета, стебель без узлов, – на память пересказала я описание из своего любимого травника.

– Тьфу! – Тихоход сплюнул себе под ноги, – кого учить-то вздумала, отроковица, от горшка два вершка!

– На себя посмотри! – всегда переживала из-за низкого, для моего племени, роста и потому обиделась всерьёз, – раз я два вершка от горшка, тогда ты... полгоршка без вершка!

Гном издал странные кашляющие звуки. Уж думала, поперхнулся несчастный от попра- ния родовой гордости, но через секунду поняла: мне выпала великая честь – лицезреть гномий смех.

– Горшок-то ростом высок... – подгорный алхимик покатывался со смеху, а я пыталась решить, стоит ли начинать негодовать. Пока думала, поймала себя на том, что стою, глупо улыбаюсь, и уже поздно строить из себя рассерженного гиганта.

– Да умом – не широк, – самокритично закончила предложение за гнома, а этот пройдоха даже и не подумал возразить.

– Врёт книжка-то твоя, – доверительно сообщил мой спутник, отсмеявшись, – рогоз это. А за ним видать... не видать, то есть... руины каменные, древние, как кость земная.

На этом гном решительно покончил с праздной болтовнёй, и упрямо топя вперёд, показательно игнорировал мои дальнейшие попытки узнать историю этих руин. То ли сам не знал, то ли просто решил не отвлекаться на мои расспросы. С трудом уняв своё любопытство, молча следовала за ним, пока бородач упреждающе не поднял руку.

– Битва впереди была, – шёпотом произнёс мой провожатый.

– Какая? – искренне удивилась я.

Однако Тихоход посмотрел на меня столь выразительно, что пришлось прикусить язык. Дальше пробирались в тишине. Теперь и мне удалось различить следы сражения: во мху отчётливо читались отпечатки массивных ног – покрупнее моих, свежий слом на стволе подгнившего дерева и, наконец, капли крови на высокой, местами вытопанной траве. Я нервно сглотнула, а пальцы сами собой покрепче сжали дубину. Идти дальше совсем не хотелось, но и обойти это место было совершенно невозможно – мрачные воды болота почти вплотную подступали к тропе.

– Камнетопов били. Десятка два положили. Вот сейчас-то и посмотришь на них.

Любопытство и тяга к познанию экзотических животных внезапно оставили меня. Я предпочла бы ограничиться исключительно теоретическими знаниями. Впрочем, гнома не

интересовали такие мелочи. Аккуратно раздвинув осоку, он указал на расколотый панцирь, из которого вываливалась покрытая слизью тушка бездыханного существа – в самом деле, похожего на черепаху. Вместо клюва у него имелась острозубая пасть, панцирь изобилдовал костяными наростами в виде шипов, достаточно длинные лапы заканчивались перепончатой пятернёй с внушительными когтями. Относительно моих габаритов тварь казалась некрупной, но общение даже с одной такой зверушкой – занятие явно не из приятных. Кто же их тут перебил столько... Судя по озабоченному виду и напряжённому молчанию, Стеклодуй не собирался делиться своими соображениями на этот счёт.

– Тут постой, я покамест ингредиенты-то для зелий с камнетопов срежу, – наконец, сказал он, – больно уж ценные.

Смотреть, как гном потрошит туши этих противных созданий, у меня не было никакого желания, поэтому я охотно замерла там, где стояла. К счастью, высокая трава скрыла от меня таинство добычи ингредиентов из камнетопов. Через четверть часа довольный, но чуть встревоженный алхимик вернулся с добычей:

– Вот и славно, стало быть, до ночи-то обернуться успеем. Вон тайничок-то мой.

В указанном направлении виднелся островок, заметно крупнее прочих, виденных нами сегодня. Помимо унылого сухостоя, болотного мусора и высокой травы, на нём имелась приличного размера полянка.

– Однако не нравится мне, что невесть кто подле схрона моего отирается. Живность болотную бьёт, внимание привлекает, – тем временем продолжал бурчать Тихоход.

– Ты же говорил, не острова это, а панцири кокоротов, – пропустив мимо ушей переживания гнома, заметила я, с подозрением рассматривая цель нашего похода.

– Где-то острова, а где-то и кокороты. Великоват этот, для твари болотной-то.

– Тогда давай заберём твоё добро и пойдём отсюда скорее. Не нравится мне тут, – опасливо бросила я, косясь на разделанные тушки камнетопов.

Гном кивнул, соглашаясь, привычным движением ухватил ослика под уздцы и поковылял по едва заметной дорожке в сторону своего острова. С трудом следуя за ним, искренне надеясь, что какая-нибудь коварная кочка не уйдёт вместе со мной под воду – гигант это вам не порхающий мотылёк, как за фигурой ни следи.

Ближе к острову тропинка практически исчезла, уступив место топкой грязи. Как бы то ни было, мне удалось преодолеть и это препятствие, почти не извозившись. Мои старания были вознаграждены – стоило ступить на чётко различимую границу острова, как под ногой оказался твёрдый камень.

Пока я выбиралась на берег и изучала эту странную особенность местности, гном с преданным осликом отправился на дальний край острова. Вскоре от расположенной там кучи валежника раздалось сосредоточенное пыхтение – очевидно, мой спутник извлекал свои пожитки из тайника.

Неожиданно земля под ногами качнулась. Уцепившись за ствол ближайшего сухого дерева, мне чудом удалось не свалиться в болотную топь. Следующий толчок оказался заметно сильнее. В этот раз ни я, ни сухостой не удержались. С печальным хрустом дерево повалилось в трясину, увлекая меня за собой.

– Коо-коо-грооо, – над болотом прокатился сотрясающий воздух приглушённый рык.

С противными чавкающими звуками в топких недрах зашевелилось нечто массивное. По водной глади, подёрнутой ряской, покатались заметные волны. Одной рукой опираясь на обломок ствола, другой сжимая свою дубину, я пыталась выбраться на твёрдую поверхность. Тем временем, остров окончательно пришёл в движение, сильные толчки сменились мелкой вибрацией.

– Квоо-коо-вроо, – звук превратился во всепроникающий рёв.

Уцепившись за трухлявый пенёк, мне всё же удалось вытянуть себя на сушу и с замирающим сердцем разглядеть источник наводящих ужас звуков. Над дальним концом острова, неподалёку от того места, где возился гном, возвышалась устрашающая пасть на длинной, словно смазанной маслом кожистой шее. Рядом с ней, на отдельных отростках, прямо из воды торчали несколько подёрнутых мутной плёнкой глаз. Они растерянно озирались, чем-то походя на уродливые цветы сферической формы, крепящиеся к подвижным стеблям. Внезапно один из этих покачивающихся шаров заметил гнома, вжимающегося в землю, и ослика, присевшего от испуга на задние лапы. Тут же остальные глаза уставились в их сторону, а пасть на кожистой шее молниеносным движением метнулась к животному и, пропахав небольшую траншею в мягком грунте, целиком проглотила ослика. Я замерла от изумления, не веря в то, что какой-то червяк-переросток так запросто слопал нашего четвероногого спутника.

Больше не таясь, гном схватил валяющийся рядом молот и с яростью берсерка бросился вызволять хвостатого товарища. Со всего маха его молот обрушился на плотно сомкнутые челюсти, раскрошив несколько огромных, как кинжалы, зубов. Сбросив оцепенение, я вскинула своё оружие, и рванула на помощь. Мне понадобилось всего несколько мгновений, чтобы оказаться рядом. Огромная пасть тем временем уже нацелилась на гнома, изогнув шею для следующего броска. Предвидя атаку твари, гном с неожиданной для его кряжистого тела ловкостью метнулся в сторону. Пасть захватила лишь поросший мхом валежник, прикрывавший гномий тайник, и оставила новую борозду в рыхлой почве. Как и гном, я не собиралась без боя отдавать чудищу нашего ослика. В конце концов, моему сердцу уже полюбились его философский взгляд и серая морда!

К счастью, болотный монстр замешкался после неудачного броска. Мне удалось воспользоваться удобным моментом и со всей силы приложить дубиной поперёк извивающейся шеи. От удара змееподобная тварь чуть не сложилась пополам, из раскрывшейся щербатой пасти кубарем вылетел ослик, покрытый слизью, мхом и налипшей травой. Глаза на подвижных стеблях обиженно уставились на меня. Прежде, чем я успела хоть что-то понять, кожистая шея изогнулась и мощным толчком отбросила меня прочь.

Болотный монстр, больше не пытаясь напасть, с жалобным воем стремительно погружался под воду. На поверхности осталось лишь несколько глаз, наблюдающих за нами с безопасного расстояния.

Пока я валялась, приходя в себя, гном возился с осликом. Похоже, наш безмолвный спутник каким-то чудом остался цел и почти невредим, если не считать нескольких царапин и ошалелых глаз. Такое приключение оказалось чересчур даже для столь хладнокровного путешественника. Припасы, закрепленные на седле, пострадали значительно сильнее – не осталось практически ничего, только несколько пропитанных слизью свёртков.

Наконец отдышавшись, я поднялась на ноги и с удивлением обнаружила глубокую царапину. Последний удар болотного чудища не прошёл для меня бесследно, приземляясь, я рассекла кожу на внешней стороне бедра. Боли почти не было, но кровь из раны сочилась обильно.

Заметив кровотечение, Тихоход бросился ко мне, но выяснив, что это только царапина, вернулся к своему обсосанному зловещим страшилищем подопечному, рекомендовав обработать и забинтовать рану. Вняв потрясающему своей очевидностью совету, я принялась кипятить мутную воду в своём походном котелке – промыть рану больше нечем. Через полтора часа забинтованная нога начала поднывать и слегка затруднять движение. Зато отмытый и даже причёсанный ослик вновь приобрёл свою потрясающую выдержку и бесстрастно созерцал окружающее пространство, а на его спине красовалась пара тюков с алхимическими агрегатами, к счастью, не пострадавшими в результате атаки кокорота. По словам Стеклодоя, это оказался именно он и, на благо нашего выплунутого питомца, необыкновенно крупный. Окажись зверюга помельче и помоложе, то быть нашему хвостатому флегматику перекусанным пополам.

– Значит, говоришь, великоват остров для панциря кокорота? – припомнила я гному его слова.

– А ещё-то говорю, что их сам Отец Гор попутает, – не думал тушеваться мой визави. – Три раза сюда приходил, ни разу зверюга-то не показалась. Спала, небось, а эти камнетопорцы, видать, шумели тут, разбудили милашку-то, – гном с преувеличенным состраданием посмотрел на три мутных глаза, всё ещё торчащих из воды в отдалении, – глянь, уснуть не может теперь.

Мне не удавалось понять, насколько серьёзен бородач, и потому решила направить беседу в более конструктивное русло:

– Назад-то до темноты успеем? Солнце вон уже к лесу клонится, а нам ещё топтать и топтать.

– Верно, назад-то не успеем. Да ещё нога твоя... – Стеклодуй озабоченно почесал бороду.

– И здесь нам оставаться нельзя, – продолжила мысль, опасливо косясь на зловещие стебли с глазами, – может, ещё какой путь есть?

– Другой-то ещё дальше будет. Тут подумать надобно, не след нам опрочеть в грязь кидаться. Ежели посреди болот ночь застанет, сгинем. Лучше уж кокоротушке ещё разок по шее дать, небось, притихнет.

Меня передёрнуло от мысли, что придётся снова столкнуться с огромной пастью на кожистой шее, но идея оказаться ночью посреди болот прельщала ещё меньше, так что я согласно кивнула и тоже призадумалась. Как ни крути, положение у нас так себе. Благо, зверюга, любовно названная гномом кокоротушкой, нас пока не беспокоила. Даже втянула один из трёх глаз – тот, который по каким-то причинам больше приглянулся болотной мошкаре.

Воспользовавшись затишьем, мы поярче разожгли костерок, намереваясь перекусить. Опасаться внезапной атаки не приходилось, поскольку не заметить землетрясение, предшествующее нападению, нам вряд ли удастся. В моей котомке ещё осталось кое-что съестное, каким-то чудом она почти не пострадала от нашей увлекательной прогулки по Радужным Болотам. Кто их только так назвал?

После еды мир показался заметно добрее. К сожалению, новых идей трапеза не принесла. Однако, похоже, она привела новых гостей – в небе над горизонтом появилось несколько приближающихся точек. Вскоре можно было различить взмахи широких крыльев. Гном потянулся за молотом.

– Ты чего, Стеклодуй? Это же совы.

– Где ты сов-то видела боевым порядком идущих и с копьями наперевес?

Приглядевшись к неправдоподобно ровному треугольнику из девяти стремительно увеличивающихся птиц, я различила закреплённые на спинах связки длинных метательных дротиков.

– Неужели урхулы! – обрадовалась я.

– Они самые, – готовящийся к бою гном не разделял моего энтузиазма, – видать, привлёк их дымок от костра-то.

Несмотря на то, что вооружённый отряд двигался прямо на нас, радостное предчувствие не покидало меня. Неужели удастся увидеть отважных небесных воителей, облачённых в знаменитую шёлковую броню, собранную из множества слоёв тончайшей ткани. Многие поколения урхулы хранят секрет производства уникальных доспехов, способных остановить стрелу не хуже кольчуги и при этом практически невесомых.

Приблизившись к нашему острову, птицы внезапно изменили курс, заложив резкий вираж. Два воздушных бойца, следовавших за ведущим, неуловимым движением выхватили метательные копья. И смертоносные снаряды, продолжая траекторию летучих воинов, тёмными росчерками устремились в пару следящих за нами глаз. Заточенные концы дротиков с противным чавканьем насквозь прошили торчащие из воды мутные шары. Глухой утробный

вой и мелкая дрожь земли под ногами возвестили о том, что день у нашего кокорота не задался окончательно.

Ещё один крутой вираж – и лидер боевого клина покинул строй. Массивная птица сделала широкий круг над нашими головами и, сбросив скорость, тяжело умастилась на обломанной верхушке старого дерева. Вращая головой типично совиным движением, пришелец внимательно изучал меня и гнома.

Воспользовавшись моментом, я так же с любопытством разглядывала гостя: светло-серые, будто подкрашенные сединой перья, раскидистые брови, выходящие за пределы лицевого диска, крючковатый клюв, крупное тело, больше полутора метров длиной, затянутое тёмно-синей тканью с серебряным шитьём и выполненные из неё же защитные элементы на крыльях и голове. Больше всего меня поразили заканчивающиеся острыми когтями пальцы, торчащие из-под сложенных крыльев. Понять, располагались ли они на отдельных конечностях или являлись продолжением крыльев, мне так и не удалось.

– Декууррион ууррхуулов прриветствует вас, сземлеходы, – с заметным трудом выговорил летучий гость. – Я ууполномочен спрросить вас, не встречали ли вы нашего соплеменника, нууждающегося в помощи?

– Приветствую тебя, доблестный декурион! – выпалила я, опережая гнома, уже набравшего в грудь воздух для ответа. – Не встречали. Ты первый урхул, которого я когда-либо видела в жизни и очень рада такой встрече.

Предчувствие меня не обмануло, польщённый урхул слегка распушил перья, приосанился и продолжил:

– В ддруугих обстоятельствах непрременно ррасделил бы с тобой этуу радость, высококорроslая. Нам порра, сррочное дело трребуует сррочных мерр.

– Постоите! Увы, мы не можем помочь вам, но, возможно, вы пожелаете помочь нам? – стараясь подражать манере летучего гостя, решила спросить я. – Мы путешествовали через болото и застряли на этом панцире кокорота. До темноты вряд ли успеем добраться до леса, а пережить ночь в топях, нам, скорее всего, не удастся. Возможно, с высоты вашего полёта виден какой-то короткий путь?

– Такого пуути нет. Пррямо по трропе, в центрре рразвалин, есть лагерьр титанов, ррыскающих по болоту. Можете прросить их помощи. Возможно, они согласятся прринять вас на ночь. После прродолжите пууть.

– Благодарю, достойнейший декурион! Надеюсь, однажды смогу отблагодарить тебя за помощь.

Совиный вожак с достоинством кивнул, расправил широкие крылья и стремительным прыжком сорвался с дерева. Набирая скорость, широкой дугой обогнул остров и вскоре вновь возглавил боевой порядок. Воздушный отряд, налетевший, словно порыв зимнего ветра, удалялся так же внезапно, как и появился. Мне только оставалось проводить взглядом удивительных птиц. Гном, простоявший всю беседу с молотом в руке, обернулся ко мне:

– Ловко ты с ним обошлась-то. Всю дорогу от каждого куста шарахалась, а до дела дошло, так кокорота поперёк хребтины огрела и урхула этого любо-дорого поглядеть, как заболтала.

– Не было там никакой хребтины, шея у кокорота-то беспозвоночная, похоже, – Стеклодуй посмотрел на меня, как ленивый школяр на учебник и хмыкнул, давая понять, что проснувшееся во мне занудство лучше смотрелось спящим. – А ты чего за молот-то хватаешься? – продолжила я, замечая, что подхватила гномью привычку лепить «то» куда попало.

– Кто этих летунов знает-то, чего у них на уме-то, – насупился Тихоход.

– И много ты им намахаешь-то, против метательных копий? – критично заметила я.

– Много-то, не много, а за рукоять держишься, так всё душе спокойнее.

– Ладно... пойдём, что ли, титанов этих искать? Сидеть тут больше смысла нет, не ждать же, в конце концов, пока кокоротушка твоя любезная снова решит нас на зубок попробовать.

– Ещё неизвестно, с кем дело-то иметь приятнее, с титанами али с кокоротами. Да сидеть тут и впрямь нам не след. Темнеть уже скоро будет.

Пока гном закидывал костёр рыхлым грунтом, я понадёжнее обвязала глубокий порез на бедре. Покончив со сборами, мы двинулись на поиски более спокойного места для ночлега.

Через пару часов настойчивого скаканья по болотным кочкам, самоотверженного штурма зарослей высокой травы и ковыляния по узкой тропке, мы увидели впереди тёмный контур руин, внушавших глубокое почтение своим былым величием. В наступающем сумраке, подёрнутые сизыми лохмотьями низкого тумана, они рождали во мне смутное чувство уязвимости перед неумолимым, как ползущий с гор ледник, потоком времени. От края до края, насколько хватало глаз, словно тени огромных животных, поднимались силуэты обглоданных прошедшими веками стен и колонн. Чуть дальше высились загадочные конструкции, превосходящие своими размерами всё вышеперечисленное.

Одну из них я приняла за мост, на котором без труда разъехалось бы несколько телег. Однако странный изгиб и неуместные для моста детали натолкнули меня на неожиданное понимание – это рука каменного исполина. Из зелёной воды высился лишь локоть и часть предплечья, закованного в чешуйчатый доспех – тем не менее, сомнений быть не могло: передо мной часть разрушенной статуи война, невообразимого размера. Окрылённая внезапным пониманием, взгляделась в остальные конструкции. Предположение подтвердилось.

В причудливой скале, торчащей из мутной глади болот, мне удалось различить голову каменного колосса в рогатом шлеме. Над водой высилась лишь часть немногим выше носа. Но даже этого хватало, чтобы различить угрожающее выражение лица: сдвинутые брови и огромные глаза глубокой черноты завораживали и вызвали странное ощущение сакрального трепета.

Чуть дальше, над просторным каменным полем, вероятно, когда-то бывшим торсом исполина, поднималось несколько клубящихся столбов сизого дыма – очевидно, там и располагался лагерь титанов. Туда мы и поспешили.

Глава четвёртая. Знакомство с Ним

Стоило Тихоходу, идущему чуть впереди, ступить на чёрный камень разрушенного колосса, как яркий свет резанул глаза, и тело тут же скрутило жуткой судорогой. Будто проклят каждый островок суши в этих безрадостных топях! Сквозь электрический треск мне удалось разобрать ругань гнома, но её тут же перекрыл раскатистый гул колокола. Светопреставление закончилось так же неожиданно, как и началось – внезапная тишина оглушила пискom в ушах. За плывущими перед глазами цветастыми пятнами и яркими разводами вновь виднелась серозелёная муть болот, растерявшая остаток красок в вечернем сумраке. Невыразительный пейзаж дополнял неожиданный элемент – прямо перед нами высилась серебристо-голубая статуя удивительно высокого воина с копьём в левой руке, правая же, направленная вперёд, словно в приветственном жесте искрилась голубыми всполохами.

– Волею равных богам. Проход закрыт, – надменный голос, будто окрашенный холодом, пробирал до дрожи.

Ясность зрения не спешила возвращаться, но мне удалось различить приближающийся легкой трусцой строй низкорослых воинов, кажется, людей. Чёткий ритм шагов и выдержанные линии боевого порядка выдавали выучку профессионалов. Прибывшие воины умело, без лишней спешки заняли позицию подле ног серебристой статуи. Неподалёку, изумлённо озираясь, топтался ослик, контрастируя своей нескладностью с безукоризненностью скульптуры. Кряхтел распластавшийся на земле гном.

Тем временем мне удалось проморгаться настолько, чтоб различить детали. Первый ряд бойцов, в отливающих сталью кольчугах и островерхих шлемах, опустился на одно колено, массивные щиты со стилизованным изображением молнии дружно звякнули о чёрный камень, образуя угрожающую стену, ошетилившуюся островерхими пиками. Второй ряд в таких же доспехах, но вооружённый арбалетами, взял оружие на изготовку, целясь поверх голов товарищей. Сразу видно – это не крестьяне. Тут лучше не шутить.

Наконец я подняла взгляд выше, на обладателя серебристых ног и обомлела. Передо мной стоял живой титан во всей своей красе. Полный латный доспех скрывал практически всё его тело, однако на незащищённых участках лица и шеи виднелась голубая, словно сияющая изнутри жемчужным светом кожа. Точёные черты, идеальные пропорции, симметрия – неудивительно, что я приняла его за статую. Каждая линия тела, каждая деталь доспеха и даже прядь белых волос, ниспадающая из-под открытого шлема – законченное совершенство. Будто ожившее творение великого скульптора. Увы, творение определённо было недовольно нашим присутствием.

Очухавшийся гном вопросительно посмотрел на меня: мол, ты у нас дипломат, вот и общайся с этим ожившим изваянием. Красота величественного незнакомца ошеломляла не хуже электрического разряда, скрутившего тело мгновением раньше. Рядом с ним я ощутила себя жалкой неряшкой, мечтающей понравиться высокородному господину. Впрочем, так и было. Особенно учитывая вид, приобретённый мною за время радужной прогулки по безмерно радужным болотам.

– Мы-то это... того... переночевать хотим, – наконец, выдавила я из себя корявую фразу и тут же поймала недоумевающий взгляд гнома.

Ни один мускул не дрогнул на бесстрастном лице титана, у меня же появилось отчётливое желание закопаться в землю и закидать себя сверху листочками, дабы не привлекать внимания столь безупречного существа. Жаль, прочный камень под моими сандалиями не предоставлял такой дивной возможности.

– Нам нет дела до ваших желаний, – отрезал высокомерный красавец.

– Мы же погибнем... – жалобно пролепетала я, всё больше ощущая себя убогой попрошайкой.

Продолжая общаться со мной исключительно с помощью глаз, гном гневно зыркнул из-под сдвинутых бровей, откашлялся, слегка поклонился и размеренным голосом великосветского придворного произнёс:

– Приветствуем равных богам! Ни соблаговолят ли почтенные принять нас, скромных путников, в своём лагере, даровав кров и защиту от опасностей болот?

Куда только девались его неуместное «то» и деревенские словечки?

Титан перевёл пронзительный взгляд на гнома. Дышать стало заметно легче, и желание исчезнуть с его глаз почти улетучилось. Теперь я вновь могла любоваться умопомрачительным совершенством голубокожего красавца. Мой спутник, напротив, съежился, подрастеряв уверенность, но всё же сохранил достойный вид.

– Лагерь титанов закрыт для посторонних. Нарушение карается смертью, – глубокий голос сияющего серебром воина вызывал желание беспрекословно повиноваться. Поймала себя на том, что даже перспектива умереть от его рук казалась вполне приятной. Лучше уж пусть это сделает он, чем голодные твари серо-зелёных топей.

– Позволит ли равный богам увидеть нам гибельную границу, дабы по незнанию переступив её, не обрекли мы себя? – на последних словах голос Тихохода заметно дрогнул.

Ай, не прост ты, гноме, раз так витийствуешь. При случае надо будет расспросить его, где научился.

Титан поднял вверх правую руку – блеснул сияющий металл латной перчатки. Из-под земли тут же взметнулись молнии, обозначая смертельную для нас черту, полукругом уходящую в обе стороны. Ещё одну, едва заметную светящуюся линию, я разобрала неподалёку от ног гнома, вероятно, она подала сигнал стражам. Титан опустил руку – границы исчезли.

– Довольно милости. Более моего времени вы не заслуживаете.

Не удостоив нас прощальным взглядом, огромный воин в серебристых доспехах грациозно развернулся. Я зачарованно смотрела в спину удаляющегося с львиной пластикой титана. Отряд из нескольких десятков хорошо вооружённых людей остался на месте.

Стеклодуй укоризненно посмотрел на меня:

– Ты чего лепетала-то, точно из люльки выползла, титанов отродясь не видала?

– Не видала. Я вообще, кроме своих, мало кого видала.

– С этими чванливыми истуканами держаться достойно надобно, иначе и говорить-то не станут. Ишь, надменные какие.

Только я собралась завалить гнома вопросами и поделиться своими наблюдениями о титанах, как откуда-то сбоку раздался приглушённый звук: «Псс! Пссст!», – расспросы пришлось отложить.

Оглянувшись на шум, различила спрятавшегося за массивным валуном человека в сером плаще, с капюшоном, скрывающим лицо.

– За мной идите. Молча. Помогу вам, – шепнул незнакомец, сделал приглашающий жест рукой и, стараясь держаться в тени, двинулся вдоль края каменной платформы, некогда бывшей телом невообразимого исполина.

Фигура в плаще показалась мне подозрительной, никогда не доверяла самозванным помощникам, но особого выбора у нас с гномом не было. Переглянувшись, мы двинулись следом. Ослик, как обычно, семенил позади.

Обходя по широкой дуге защитный контур, таинственный провожатый вёл нас к нескольким жиденьким столбикам дыма, находящимся чуть в стороне от основного лагеря. Похоже, рядом с титанами кто-то ещё устроил свой бивуак и этот кто-то явно не таился. Почему тогда проводник держался в тени, оставалось загадкой. Вскоре перед нашим взором предстала пара небольших костров с дымящимися котелками на них. Несколько выдавших виды палаток,

коновязь с десятком тяжеловозов и стоящий в отдалении тент, скрывающий от непогоды туго перетянутые верёвками тюки. Немногочисленные обитатели бивуака с любопытством поглядывали в нашу сторону, не выказывая ни удивления, ни страха. Мы с гномом уставились в ответ.

– Добро пожаловать в становище младшей прислуги, – последнюю пару слов наш таинственный провожатый произнёс с плохо скрываемой насмешкой и небрежно откинул капюшон.

– Младшей прислуги? – удивилась я, разглядывая незнакомца с короткой стрижкой, оказавшегося крепким парнем лет тридцати.

– Титаны регулярно нанимают местных помощников для грязной работы. Здесь располагаются уборщики, конюхи, пара проводников, включая меня, и прочие слуги, чьё присутствие рядом с хозяевами излишне, – оттенок пренебрежения вновь послышался в его голосе. – Чувствуйте себя в безопасности. Мы находимся внутри сигнального кольца, так что если какая живность к нам полезет, ударит магический колокол. А там уж появятся стражи титанов и вмиг разделаются с ней.

– Стражи титанов? – гном посмотрел на меня словно на умственно отсталую, но я никогда не стеснялась задавать глупые вопросы. Как говорил Одулон: «Не стыдно не знать, стыдно не прилагать усилий к избавлению от невежества», – хотя сдаётся мне, не сам он придумал эту фразу.

– Да. Вы их видели, это они были в островерхих шлемах и стальных кольчугах. Только имейте в виду, не советую заходить за тот тент с тюками. Иначе стражи точно так же разделаются с вами. Там начинается граница основного лагеря.

Наш проводник скинул с себя плащ. Под ним обнаружилась плотно облегающая тело кожаная куртка, обтянутая пустующими ремнями для крепления снаряжения, штаны из плотной ткани с металлическими вставками и высокие сапоги. Из видимого оружия мужчина при себе имел лишь пару метательных ножей, закреплённых на бедре.

– Зильда, налей гостям похлёбки! – закончив с плащом, крикнул наш благодетель чуть полноватой женщине, хлопотавшей возле огня.

Зильда оценивающе взглянула сначала на гнома, вероятно, прикидывая, сколько он съест, затем на меня:

– Экая громадина! Весь котелок слопает, чем я потом мужиков кормить буду? – потрясая варёной бараньей ногой, строго сказала женщина.

– Спасибо, не надо, – смутившись, ответила я, – к тому же я вегетарианка, а похлёбка у вас с мясом... наверное.

– Надо же, – удивился наш новый приятель, – думал, все высокорослые народы мясоеды. Титаны и те, при всём своём благочестии, хорошей отбивной не брезгают.

– Батюшки-светы, не брезгают они! Да уминают в три горла, не прокормишь. Все запасы у меня хужей мышей амбарных пожрали, иде б кота такого найти, что б прихлопнул-то их!

– Не горячись, Зильда, что уж ты так причитаешь, будто они у тебя кусок отбирают. Исправно платят и за еду, и за дело твоё, вот и делай его, – вмешался пожилой дядька, латающий сапоги у костра.

– Платить – платят. И де же ещё лавочника найти, что б разносол средь болот обеспечить. Сколь дней туточки торчим, как ложка в киселе, а сколь ещё торчать будем?

– Не обращайтесь внимания на её брюзжание, – тепло улыбнулся коротко стриженный проводник, – на самом деле она добрая. Просто переживает всегда, когда запасы заканчиваются. Вы располагайтесь. Тут народ славный подобрался, а я вас покину. У меня ещё дела есть.

Оставив плащ возле костра, мужчина растворился в сумраке позднего вечера.

В отличие от меня гном отказываться от угощений не собирался и подбочившись потопал к дородной кухарке. Вскоре он уже громко стучал деревянной ложкой о края выделенной

ему тарелки с похлёбкой, успевая при этом о чём-то увлечённо болтать с пожилым дядькой, отложившим свои сапоги.

Оставшись наедине с собой, я отошла немного от лагеря прислуги, ближе к обрывистому краю, за которым начиналась предательская гладь болот. У меня сохранилось ещё несколько слегка зачерствевших пирожков, и я собиралась приговорить их к немедленному съедению.

Удобно устроившись на одном из деревянных чурбаков, неестественно смотрящихся среди каменного поля и, вероятно, приготовленных местными работниками на дрова, развязала свою котомку. Угрюмый ландшафт болот, на глазах теряющий чёткость очертаний, зачаровывал кажущимся спокойствием и таинственной сказочностью. Моё благостно-созерцательное настроение омрачали только поднывающий порез на бедре и перспектива жевать пирожки всухомятку. Не успела я озадачиться решением этих вопросов, как моё одиночество нарушили шаркающие шаги и натужное сопение. Из окружающей полумглы подобно галере под парусами выплыла дородная повариха в объёмном переднике:

– Вегетарианка-шмегитарианка, – безуспешно пытаюсь сохранить грозный вид, проворчала Зильда, но сердечная теплота сама собой струилась из глаз заботливой женщины. – Держи вот, чайку горячего испей и хлебушком закуси, – едва достающая мне до пояса кухарка протянула походный котелок, источающий пряный аромат трав, и пару крошек подсохшего хлеба, – остолопы синие всё одно от него нос воротить будут, а тебе польза.

– Спасибо большое, – меня слегка обескуражила неожиданная забота.

– Не бойсь, не было в посуде этой мяса. Даже на костре на другом держала, – заметив моё замешательство, поспешила добавить Зильда. – Хорошая ты девочка, жаль, росточком великовата... Да ты кушай-кушай, – удовлетворённо кивнула женщина, разглядев мою благодарную улыбку, и пошаркала обратно к лагерю.

Вновь оставшись наедине с собой, я задумчиво вглядывалась в окончательно загустевшую темень и мерно ползущие языки болотных испарений. Несмотря на мрачный пейзаж и пережитое за день, во мне впервые в жизни зародилось необычное чувство удовлетворения и ощущение правильности происходящего. Оно зажглось, словно пламя свечи в руках престарелого библиотекаря, для успокоения души пожелавшего глубокой ночью окинуть взглядом свои скромные владения. Будто в продолжение этой мысли, в тягучем сумраке, среди непроходимых топей, возник крохотный оранжевый огонёк, несмело трепещущий в темноте. Вслед за ним второй – фиолетовый. Третий, четвёртый, пятый – разноцветные огоньки, вспыхивая один за другим, разлились яркими красками по черному покрывалу болот. Сперва не спеша, затем плавно ускоряясь, цветные точки приходили в движение, образуя замысловатый калейдоскоп блуждающих искорок.

– Правда, красиво? – рядом со мной на соседний чурбачок усаживался давешний проводник в кожаной куртке.

– Да, очень – кивнула я, отчего-то совсем не удивившись его появлению.

– Светлячки – колоратус луминариас, проснулись. Ночная жизнь на этих болотах намного богаче дневной. Смотри, сейчас самое завораживающее начнётся...

Беспорядочное кружение огоньков постепенно превращалось в удивительный танец узоров. Точно подчиняясь воле неведомого мага-дирижёра, мягко покачивались многослойные радужные волны. Вращались красочные сферы, складываясь в живой орнамент, образованный скоплениями светящихся жучков.

– Просто волшебно... Никогда не доводилось читать о подобном!

– Действительно волшебно, каждую ночь этим люблюсь, околдовывает, как первый раз. Только смотри, не обманись красотой этого безмятежного вальса. Ночь здесь не только богаче, но и много опаснее дня. Видишь там чёрное пятно дрейфует, разгоняя луминариев? Это выпользень гадючий охотится, но он сюда не полезет, очень уж берег для него крут. Хорошо хоть гнездо камнетопов вчера разорили, вот они бы нами не побрезговали.

От этой незамысловатой беседы или, быть может, из-за аромата свежесваренных трав, меня охватило удивительное спокойствие. Захотелось поведать всю свою историю, все печали и тревоги последних дней этому низкорослику, но как часто бывает у меня в таких случаях, внезапно пропали все слова. Осталось только ощущение тишины в голове. Вероятно, приняв моё молчание за нежелание поддерживать беседу, молодой человек поднялся:

– Ладно, спать пора. Пойду я. И ты отдохни, гигантесса, а то твоим синякам под глазами любой вурдалак позавидует.

– Доброй ночи, – произвольно ответила я, изрядно удивившись двум вещам: тому, что он знает, как называются женщины моего рода, и тому, что появились синяки под глазами, раньше у меня такой проблемы не водилось.

В любом случае, человек прав, мне следует хорошенько отдохнуть. Через полчаса вынесенный пирожкам приговор был успешно приведён в исполнение, а котелок с чаем показал дно. И я отправилась на поиски удобного места для ночлега.

Вернувшись в лагерь, застала уже спящего гнома, заботливо укрывающего собой свёртки с алхимическими агрегатами, снятые на ночь с ослика. Сам хвостатый флегматик пополнил собой ряды тяжеловозов и гордо жевал верёвку коновязи. Может, ему витаминов каких не хватает, что он то верёвки, то пергаменты с объявлениями жуёт?

Решение этой, безусловно увлекательной, медицинской задачи разумно отложить на утро, а вот более насущную – где спать, пора решать незамедлительно. Ибо сон догнал меня и самым непристойным образом заманивал в свои объятия. Лезть в одну из палаток с моим ростом – только себя мучить, да и задавлю ещё кого-нибудь ненароком. Извиняйся потом.

Спать под открытым небом я, конечно, привыкла, но тучи, затянувшие небо, намекали на то, что стоит иметь над головой что-нибудь менее промокаемое, чем надежды на хорошую погоду. В тусклом свете костров взгляд мой упал на стоящий чуть в стороне тент с тюками. Что там проводник говорил? Не заходить за него? Вот, пожалуй, и не буду – лягу под ним. Места вроде бы там достаточно. Забравшись под навес, убедилась, что проводник не обманул – сигнализация не сработала, и никто не бежал меня разделявать. Стоило улечься и закрыть глаза, как сон, бесстыжий наглец, овладел мной – видно, сказала усталость дня.

Сквозь сон я отчётливо услышала: «хр-хр-хр», – будто чьи-то коготки скребутся по дереву, где-то рядом со мной. «Хр-хр-хр-хр», – настойчивый звук повторялся снова и снова. «Хр-хр-хр», – грешные жёны Таннанга... догадка пробилась через дремоту – это мышь! Она подобралась ко мне, и сейчас будет меня грызть! Я с визгом вскочила. Раздался звук рвущихся верёвок, треск досок и плотная ткань тут же окутала меня с головы до пят. Неужели охотники на гигантов накинули на меня сеть?! Словно сбывались мои самые жуткие детские страхи! В панике метнулась в сторону – что-то натужно треснуло под ногами, кинулась в другую – ударились о ящики, разлетевшиеся под моим натиском. Спросонок ничего не могла понять – в неясной полумгле какая-то ткань заволочла лицо, обмотавшись вокруг меня! Не помня себя от страха, бросилась бежать, судорожно размахивая руками и пытаюсь сорвать с себя плотный покров. Внезапно под ногой оказалась пустота.

Меньше секунды назад там был твёрдый камень, а теперь дыхание перехватило, мурашки побежали по коже и моё сердце замерло от ощущения падения. С оглушительным всплеском холодная вода приняла меня в свои пугающие объятия, снося ледяным потоком остатки сна. Ужас осознания охватил всё моё естество – я упала в болото! И тут же вспомнила, как укладывалась спать под тент. Вот что за ткань вокруг меня! Под слоем воды оказалась вязкая грязь, как змеями, кишася крепкими стеблями болотных растений.

Чувствуя, что тело начинает медленно погружаться, ухватилась руками за грубое полотно, закрывающее обзор. Яростно рванула его в стороны. Прочная ткань с треском лопнула, освобождая голову, но подступающая к лицу вода не позволила мне полностью освободиться от остатков тента. Загребая руками мутную жижу, изо всех сил старалась развернуться

к берегу, пока хлюпающая трясина крепче сжимала моё тело. Наконец, мне удалось ухватиться скользкими пальцами за влажный камень отвесного берега. Прилагая невероятные усилия, рванулась вверх, вырывая себя из гибельных объятий, но промокший тент, нацеплявший на себя водоросли и тяжёлую грязь, тянул вниз. Сдирая кожу с ладоней и практически выбившись из сил, добралась до верхнего края спасительной суши и даже закинула одну руку на ровную поверхность исполинского каменного торса.

Передо мной открылся вид на бивуак младшей прислуги: из палаток, хватаясь за оружие, выскакивали перепуганные работники. Невдалеке виднелась развороченная мною площадка с тюками. Части некогда поддерживающих навес конструкций и ящиков валялись в округе. Силуэт человека склонился над ними, и огромная сова вспорхнула прямо из-под обломков, стремительно уносясь в розовеющее небо. Человек взглянул в мою сторону и бросился на помощь, но пропитанная влагой ткань и цепкие водоросли тянули вниз всем своим весом. Не в силах удержаться, со стоном ужаса я соскользнула. Пальцы почти не слушались и бессильно скребли обрывистый берег, пока неумолимая топь поглощала меня. В надежде я подняла взор к небу, с высокого берега на меня смотрели наполненные болью чёрные глаза проводника.

– Хватайся! – крикнул он, лёжа на животе и протягивая мне руку – безнадёжно короткую, маленькую человеческую руку.

Вода уже скрыла мой рот, я ничего не могла ответить. Лишь уповая на чудо, тянулась к нему. Увы, расстояние, разделяющее нас, оказалось непреодолимым. Мутная вода застилала глаза. В бессильном ужасе старалась уцепиться хоть за что-нибудь. Лёгкие горели от недостатка воздуха. Бешеные удары сердца эхом отдавались в ушах. Отчаянье захватило меня целиком, однако пока есть силы, нужно бороться. Другого выбора нет!

Внезапно монолитная стена под руками исчезла. Там, где только что был камень, теперь только вода и жидкая грязь. Через мгновение моя рука уцепилась за нечто скользкое, покрытое илом, но удивительно прочное. Окончательно потеряв направление и сжигая последние запасы воздуха, я начала судорожно шарить руками. Под моей ладонью снова оказался камень и следом второй прочный предмет, на ощупь похожий на негнувшийся корень. Уже теряя сознание, с трудом удерживая себя от гибельного на глубине вдоха, потянулась туда, где мог находиться третий. И мои пальцы нашли его. Похоже, они на одинаковом расстоянии друг от друга! Подтягиваясь и перебирая руками, нашла четвёртый! Больше не считая, рванулась вперёд. Дальнейшие секунды показались мне бездной непрерывных мучений, пока моя рука в поисках следующего шага не пробила водную гладь – никогда я так не радовалась прохладе воздуха на своей коже.

Я вынырнула в полной темноте, хватая спасительный воздух ртом. Неистовые удары сердца, дрожь в теле – это всё ерунда по сравнению с бесконечным наслаждением – дышать. Ужас отступил, но страх не ушёл совсем. Может статься, это небольшой воздушный карман, из которого нет выхода. Смогу ли я набраться смелости и нырнуть обратно, если потребуются? Или буду обречена погибнуть прямо здесь? Прежде чем отвечать на эти вопросы, нужно понять, где я оказалась.

Немного отдышавшись и наспех освободив себя от остатков тента, принялась шарить руками по стенам. Я оказалась в каком-то туннеле, в полтора раза шире моих плеч. Шершавые каменные стены над водой и скользкие под ней, без следов кладки – будто монолит. То, что сперва показалось мне покрытым илом корнем, оказалось металлическими скобами, вбитыми в камень и образующими лестницу с редкими ступенями. Окончательно убедилась в этом, протянув руку в поисках следующей ступени – гладкий металл, лишённый на воздухе илистого налёта, охладила руку.

Пологий туннель, по которому я могла продвигаться только на четвереньках, уходил чуть вверх. Пошатываясь и осторожно ощупывая пространство перед каждым шагом, отправилась в темноту. Через несколько минут аккуратного продвижения левая стена ушла в сторону –

похоже, поворот. Поразмыслив, решила держаться оставшейся стены. Подняться я по-прежнему не могла, хотя потолок стал чуть выше. Вскоре наткнулась на поворот, уходящий вправо, свод в нём снова становился ниже, а пол оказался слегка влажным. Неужели лабиринт?! Решив по-прежнему держаться правой стороны, я продолжила свой путь на карачках. Спустя какое-то время мои руки нащупали что-то холодное и влажное. Я инстинктивно отпрянула, но собравшись духом начала ощупывать находку. Грязь, плотная ткань, свежие водоросли – это кусок тента! Не может быть! Я обошла всё по кругу! Ужас вновь сжал свои цепкие пальцы, а слёзы обожгли глаза и щёки словно капли раскалённого масла. Выхода нет! Я в ловушке!

Изо всех сил стараясь удержать себя от истерики, я вернулась назад, в помещение с чуть более высоким потолком и попыталась изучить его центр. Пол, образуя некое подобие чаши, с небольшим уклоном сходил к центру, наполненному водой. От одного прикосновения к склизкому камню на дне обнаруженного водоёма меня передернуло. Голова кружилась то ли от переутомления, то ли от недостатка свежего воздуха. Не в силах больше бороться с усталостью, я легла на прохладный пол. Сознание покинуло меня.

Умиротворяющее сияние бирюзового неба, тихий шелест трав и ласковый ветер. Несмотря на иные очертания холмов, с первого глотка воздуха, наполненного свежестью бескрайних просторов, я узнала родные земли. Такой сладковатый аромат витает только у нас. Обманчивый покой и безмятежная благодать щемили сердце предчувствием катастрофы.

Чёрная полоса перечеркнула небо от горизонта до горизонта и начала раскрываться подобно расходящимся краям раны. Чувство тревоги сковало надёжней стальных цепей... Чудовищное создание невероятных размеров с крыльями, сотканными из пронизанных молниями грозových облаков, низверглось из бездонной черноты. В абсолютной тишине оно парило над изгибами зелёных холмов. Покрытое чешуёй тело отливало белым золотом. Сплетённая из сгустившейся тьмы шея заканчивалась устрашающей головой, увенчанной короной сверкающих серебром рогов. Дюжина глаз, пылающих холодным аметистом, источала беспредельную мощь, пропитанную безмерным страданием.

– Нет тьмы – там, где вошёл я!

– Нет света – там, где ступил я!

Внезапно, будто из-под земли, в сияющую чешую громадного тела ударили сотни электрических разрядов. Рвущий барабанные перепонки гром смёл меня, как сорвавшаяся с гор лавина сметает одинокое деревце. Катастрофа свершилась.

– ... там, где пал я!

– Однажды повержен – не значит убит!

– Путь к возрождению снова открыт!

Невероятным образом в беспроглядной тьме где-то рядом с собой я ощутила бьющееся сердце. Маленькое, как кулак человека, выточенное из камня, но живое. Исходящая от него тонкая струйка тумана протянулась к моей груди и тотчас словно тысячи игл вонзились в мою кожу.

Видение пропало. Я лежала на холодном полу, и точно вновь вынырнув из воды, хватала ртом воздух. Тело болело, но с каждым вдохом ломота в суставах и жжение в лёгких ослабевали. Ожидая, пока ясность мысли полностью вернётся ко мне, безуспешно пыталась осознать увиденное. К моему удивлению, ощущение находящегося неподалёку живого сердца не покинуло меня вместе с туманом видения. Сосредоточившись, попыталась восстановить перед внутренним взором, откуда протянулась ко мне туманная струйка. Если чутьё не обманывало, то исчезнувший бесплотный поток тумана тянулся из центра зала.

Набравшись решимости изучить его, я открыла глаза и замерла от изумления. Каменные своды зала сияли сотнями светлячков, рассеянными по потолку, как звёзды по небу. В туск-

лом свете, рождённом удивительными жучками, мне удалось различить смутные очертания постаментов, возвышающегося посреди небольшого озера, образованного пологим уклоном пола. Больше ни секунды не сомневаясь, двинулась к постаменту. Осторожно коснулась водной глади. Прохладная влага показалась чистой, но пить её я побоялась, несмотря на внезапно пробудившуюся жажду. Неприятное на ощупь дно оказалось всё же не таким скользким, как камень под водой в туннеле. Преодолев несколько шагов водной преграды, я добралась до цели. Аккуратно исследовав пьедестал кончиками пальцев, обнаружила тёплый предмет овальной формы, надёжно прикрепленный к прочному основанию.

Мои попытки бережно освободить его не дали результата. Провозившись какое-то время, решила, что терять мне всё равно нечего и рванула загадочный предмет изо всех сил. С глухим щелчком он поддался, и... ничего не произошло. Не торопясь, я принялась исследовать добытый трофей, напоминающий яйцо.

Тем временем светлячки, видимо, устав изображать из себя разноцветные звёздочки, покинули облюбованные места на потолке и теперь плавно парили в воздухе. Глухую тишину вспорол металлический срежет, пронзительный, словно предсмертный крик дракона, донёсшийся откуда-то из-под толщи окружающего камня. От пола прокатилась заметная дрожь, вызванная ею каменная крошка посыпалась на голову. Я подняла взгляд, пытаюсь разглядеть, что происходит с пришедшим в движение потолком, и тут же пожалела об этом. Песок и мелкие камешки попали в глаза – разглядеть дальнейшее мне не удалось. Грохот камня, скрежет и треск раздавались со всех сторон. Вибрация сменилась мощными размеренными ударами, твердь содрогалась, поднимая волны в небольшом озере. Недавнее пробуждение кокорота не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило теперь.

Удивительно, но творящееся не вызвало у меня ни паники, ни страха, чувство безмерной правильности происходящего вновь поднялось откуда-то из глубин души. Я лишь накрыла голову руками, защищаясь от падающего сора.

Меньше чем через минуту землетрясение и шум прекратились. Продолжая сжимать в одной руке тёплый предмет, другой рукой аккуратно промыла глаза – закончив, равнодушно смотрела, как солнечные зайчики скачут по встревоженному зеркалу воды. Кожи касался тёплый воздух летнего дня, нехотя гонящий прочь затаившийся в каменном зале холод. Повинуясь инстинкту, взглянула вверх, и яркий свет резанул глаза, срывая туманный покров глубинного спокойствия. На смену ему пришёл целый шквал эмоций: окрыляющее счастье свободы, воспоминания о пережитом ужасе и, наконец, сжигающее любопытство! Ведь я нашла нечто удивительное! Правда, неизвестно что...

Подпрыгивая от нетерпения и рвущихся на свободу чувств, я огляделась, не обращая внимания на резь в ещё не привыкших к свету глазах. Беглый осмотр показал, что массивные плиты потолка разошлись в стороны, а их верхняя граница заканчивалась чуть выше моей вытянутой руки.

Сунула за пазуху загадочную находку, изловчилась, подпрыгнула и уцепилась за край плиты. С трудом вскарабкалась наверх – всё-таки я не в лучшей форме, но кое на что ещё способна. Не успела осмотреться, как в меня ткнулась морда ослика. Его счастливая физиономия расплылась в улыбке, а тёмно-карие глаза лучились не по-звериному осмысленной теплотой. Сегодня совершенно невозможный день! Никогда бы не подумала, что этот флегматичный зверь способен на такое выражение чувств! Поддавшись порыву, схватила хвостатого друга в охапку и затискала словно щенка. Он явно не возражал.

Наши лобызания прервал притворно ругающийся гном:

– И где тебя, кикимору болотную, носит-то?! Мы, значит, тут с Пифагором едим не досыта, не досыпаем всячески, а она знай себе, по пещерам лазит и камнетрясения устраивает!

Одним своим появлением этот пройдоха вызвал у меня вал вопросов и в этот раз я не собиралась себя сдерживать, выпалила всё скопом:

– Чего это кикимора-то? Сам не фиалка на лужку! С Пифагором? День в разгаре, как это не досыпаем? Я ж только утром свалилась! Ешь нормально, кто тебе не даёт-то!?

Стеклодуй открыл было рот, чтоб обрушиться на меня в ответ, но, видно, передумал в последний момент:

– А чего ты, вообще купаться полезла, вода-то холодная? – пряча тревогу за ехидным тоном, поинтересовался гном.

– Мыши испугалась... – потупив взор, призналась я.

– Мыши? Ты их со своего роста вообще разглядеть-то можешь?

– Могу... иногда, – и смущённо добавила: – ...а когда не могу, ещё больше боюсь. Спала себе ночью спокойно, а тут под боком как заскребётся кто-то... думала, мышь на меня напасть хочет, вот и вскочила.

– Мда-а-а, – протянул Тихоход, почёсывая бороду, – стало быть, мы тебя три дня из-за грызуна безобидного дожидаемся.

– Сколько?! – я выразительно посмотрела на гнома, старательно намекая, что меня интересуют ответы на этот и предыдущие вопросы, а ещё лучше – незамедлительный и подробный рассказ. На моё счастье, в этот раз упрашивать бородача не пришлось.

– Значится, ждали-пождали тебя три дня и три ночи, как в сказочках девчачьих. А чего тут началось, после того, как ты в болото сиганула! – подчёркивая драматизм своего повествования, Стеклодуй забавно топорщил бороду: – Титаны прибежали: «Где, мол, урхул наш? Давеча в клетке оставили, а теперича нету. И припасы кто нам попортил-то?». Из работников наплёл кто-то, что ты сожрала, а проводник-то говорит: чудище болотное утащило. Зильда-то поддакивать давай: было чудище, из воды лезло, в грязи да тине, водорослями поросшее, страшное, аж жуть! Ты с ним боролась, так оно тебя проглотило и в топь уволокло. Провожатый тебя спасать кинулся, только ж не поспел, видать. Титаны-то контур защитный проверили – не было чудища, а по грязи да по следам выходит, вроде как было. Велели тебя разыскать, только без толку. А тут глядь, припасы-то кончились! Так они, обжоры, неудобства терпеть не привыкшие, лагерь-то свернули, да невесть куда подались. Опосля, как вся прорва их из виду скрылась, мы с Пифагором тебя сами искать взялись.

– Пифагором? Это ещё кто? – не выдержав, прервала я сбивчивый рассказ гнома.

– А кого ты сейчас ручищами-то своими лапала?

Я посмотрела на всё ещё торчащую возле моих ног довольную физиономию.

– Нашего ослика зовут Пифагором? – опешила я.

– Моего на... гхм... ага, в смысле.

– Тоже прозвище какое-нибудь?

– Нарёк-то я его в честь подгорного героя древности, означает: твёрдый духом покоритель гор, – выдал гном явно заранее заготовленную тираду и неуверенно дёрнул плечом.

– Ничего себе! Не знаю как с горами, а с твёрдостью духа у этого зверя всё хорошо, – улыбнулась я и потрепала ослика по холке. Животное благодарно потёрлось о мою руку. Мне кажется, или ослам такое несвойственно?

– Значица... искать стали, – собираясь с мыслями, продолжил гном. – Я с камнем-то поговорил; это всякий гном умеет, без такого умения в горах ни жилу не найдёшь, ни из пещеры не выберешься, – пояснил гном, видя мой недоумевающий взгляд. – Поведал мне лежнюк, что полость в нём имеется. Стал я тогда по земле на брюхе ползать, глядь, а тут стык меж плит. Дай думаю, всковырну его. Да без инструментов горных много ли сделаешь-то? От травы сухой, мусора разного отчистил, там и ночь близится, дальше не продвинуться. А как смеркаться-то стало, вижу, из трещины светляки полезли, видать, от солнца дневного укрывались. Мы с Пифагором сидим, любуемся. С раннего утра над стыком-то этим бился, без толку всё. К обеду думаю, уходить надобно, иначе к темноте до лесу не успеем. Ту-то ночь переждали, но страху будь здоров натерпелись. Я Пифагора уводить, а он ни в какую! Стоит, копытами

упёрся, тащи, не тащи – с места не сдвинешь! Так-то мы тебя и встретили, – бедняга на одном дыхании выпалил оставшуюся историю, даже запыхался слегка. – Где ж ты пропадала-то? Всё как есть выкладывай!

– Нигде я не пропадала, подумаешь, спросонок в болото упала, зато пока бултыхалась, нашла секретный проход! – От воспоминаний о пережитых ужасах меня пробил холодный пот, но подробно рассказывать о своей глупости и о том, как чуть не погибла из-за детских страхов, совсем не хотелось. – Забралась в него, нашла там этот зал, – я указала себе за спину. – А в нём вот это, – достав загадочный предмет из-за пазухи, я предъявила его гному.

С неожиданной тщательностью Тихоход принялся изучать вещицу. Закончив, поднял на меня строгий взгляд:

– Надёжно храни этот предмет, – вдумчивый тон и вновь пропавшие просторечные словечки заставили меня отнестись к его словам с предельной серьёзностью. – Думаю, за ним-то и охотились титаны на этих болотах. В лагере поговаривали, что это руины города «ушедших титанов» и здесь хранится естество сотворителей миров – источник неизмеримой мощи. Легенды гласят, столетиями своего могущества титаны обязаны ему, но однажды были повержены неодолимой силой, пришедшей из другого мира.

– Где ты научился так говорить? – не выдержала я непривычно гладкой речи своего спутника.

– Дело-то не твоего ума, – ответил гном в своей обычной манере и, подмигнув, добавил, – может статься, узнаешь ещё.

Конечно, любопытство тут же начало разрывать меня на части, но этот бородатый упрямец остался непреклонен. Как упрётся, так хоть гранит грызи, хуже Пифагора, честное слово!

– Пойдём к лесу? До ночи ещё успеем, – сказала я, на глазок оценивая положение солнца.

– Пойти-то пойдём, только к другому краю. Надобно к людям в город выйти, еды подкупить и тебя в порядок привести. Себя-то видела? Кожа бледная, глаза ввалились, про одежду вообще молчу. Идти-то сможешь?

– Да всё хорошо, – гном ещё раз скептически окинул меня взглядом, – устала просто... наверно.

Тихоход укоризненно покачал головой.

– Котомку-то твою я сберёг, а вот дубина пропала. Видать, забрал кто или на дрова пустили.

– На дрова – это вряд ли, она не горит, и кто ж её забрать мог? Не тростиночка всё-таки, – я озадачено почесала подбородок на гномий манер.

В ответ Стеклодуй только многозначительно пожал плечами.

В другой ситуации я бы расстроилась. Дубина для любого гиганта как святыня, и её потеря может означать изгнание, но изгнанием меня пугать уже поздно, а печалиться, оказавшись на солнышке после всего пережитого, мне казалось ещё более глупым, чем падать в болото из-за мыши.

Глава пятая. Лихорадка

Через пару часов пути порез на бедре явственно напоминал о себе болезненной пульсацией. Ещё спустя два часа в глазах начало темнеть, но я держалась, упорно следуя за гномом и верным Пифагором. К счастью, вскоре показались первые корявые, но уже живые деревья, намекающие на приближение к лесу, и тропа стала заметно твёрже. Однако силы постепенно оставляли меня. Несколько раз, поскользнувшись практически на ровном месте, поймала на себе встревоженный взгляд гнома. Проклятая марь всё тянулась и тянулась. Вновь упав, я едва поднялась.

– Отдохнуть-то тебе нелишне будет. До лужайки вон той потерпи, а там осмотрю тебя, – сказал Тихоход участливо.

– По-спать про-сто надо мне... – едва шевеля языком, выдавила я из себя, – и поесть.

Гном кивнул.

Словно продираясь сквозь густой кисель, я добралась до полянки и тяжело бухнулась на тёплую землю. Облокотившись спиной о шершавый ствол дерева, закрыла глаза, едва различая ускользающим рассудком слова хлопочущего возле меня гнома:

– Подгорные кузни, это ж лихорадка болотная! Пламень глубин, как же ты шла-то! С ней на второй день без чувств валятся, а на пятый уж остывать начинают! Что ж тебя на ногах-то держало? Знамо чудо какое, – причитал он.

Из-за холмов, будто из-под земли, в сияющую белым золотом чешую громадного яйцеро-подобного тела, парящего в вышине, ударили сотни электрических разрядов. Рвущий барабан-ные перепонки гром смёл меня, как вызванный обильными ливнями сель сметаёт потоками грязи молодое деревце. Катастрофа свершилась.

– ... там, где пал я!

– Однажды повержен – не значит убит!

– Путь к возрождению снова открыт!

Пылающие грозowymi разрядами крылья, сотканые из чёрных туч, потеряв удерживающую их силу, отделились от массивного тела и мерно таяли в воздухе, превращаясь в обычные, тяжёлые облака. Лишившись опоры, сверкающее существо умопомрачительных размеров падало прямо на меня, рискуя раздавить, как тяжёлый сапог марширующего солдата давит не вовремя оказавшегося на пути жука.

Предчувствуя неминуемую гибель, постаралась впитать в себя умиротворяющее сияние бирюзового неба, тихий шелест трав и ласковый ветер.

От спрятанного за пазухой камня к груди протянулся обвивающий тело тонкий жгуттик тумана, и будто тысячи игл вонзились в мою кожу.

Едва разлепив глаза, я увидела лужайку, покрытую желтеющей травой, и возящегося с алхимическими агрегатами гнома.

– Так-то-так... сейчас настоится, добавим изолепсис проникающий. Ох! Богохульника корявого у меня-то и нет, все ж запасы-то пропали. Ну ничего, ничего... мы печень камнетопы добавим – должно сработать, зря их, что ли резал. А вот чем остролист луговой заменить?

Я вновь прикрыла глаза.

Не знаю, сколько прошло времени прежде, чем тёплая вязкая жидкость полилась ко мне в рот. Не ощутив ни вкуса, ни запаха, вновь провалилась в забытье.

– Вот и славно, – обрадовался гном, увидев, что, я открыла глаза, и придвинул ко мне тазик варёной морковки. – Извольте поесть, сударыня, – ехидный тон намекал на хорошее

настроение алхимика, – теперь-то ты на поправочку, стало быть, пойдёшь. Только прежде ещё пару глоточков снадобья моего лекарственного сделай.

Недоверчиво осмотрела протянутую алхимиком склянку.

– Давай, давай! Зелья-то мои всегда действительные!

– Это-то меня и беспокоит, – сделала я кислое, как давешние яблочки, выражение лица, – по крестьянам помню, какие они действительные.

– Ты давай, нос-то не вороти, кабы не средства мои, то некому бы сейчас острить-то было.

Аргумент показался мне убедительным, и я залпом опрокинула флакончик себе в рот.

– То-то и оно, – удовлетворённо кивнул гном. – А что действия побочные могут быть, так это у любой микстуры, иначе никак. Да и ингредиентов правильных у меня не оказалось. За это-то тебе спасибо сказать надобно, – Тихоход не упустил возможности вернуть шпильку, напомнив о печальной судьбе своей повозки.

– Какие ещё побочные эффекты? – не на шутку испугалась я, – раньше про них сказать не мог?

– А это мы к утру узнаем. Да ты не пужайся так, помереть-то не помрёшь, а остальное пройдёт... со временем.

С опаской прислушалась к своим ощущениям, то ли сама себе навдумывала, то ли и правда в теле появилась какая-то странная лёгкость. Тут же поделилась своими наблюдениями с самозванным лекарем, сулившим явить невероятное чудо моего исцеления.

– Неужто ты мне не доверяешь? – собрался обидеться новоявленный эскулап, но о чём-то поразмыслив, продолжил, – лёгкости не опасайся, летать-то точно не будешь, и если головокращения будут, не пугайся.

Стоило гному упомянуть головокружение, как оно появилось, – наверно, и правда накручиваю себя. Решив больше не жаловаться, принялась за морковку. Всё-таки этот бородач хоть и знатный пройдоха, но он и в самом деле вытащил меня из лап опасной болезни – это я отчётливо понимала, помня свои недавние ощущения. И едой меня подкупил – позаботился, просто золото, а не гном. Тем не менее, налегая на тазик со снадобьем, с удивлением отмечала, что каждая следующая морковка казалась мне чуть крупнее предыдущей и будто бы даже тяжелее. Так и не осилив предоставленную мне ёмкость с варёными корнеплодами, я поддалась одолевающей меня усталости и задремала; без сновидений.

Когда открыла глаза, на меня смотрело необычно большое бородастое лицо, даже не сразу узнала в нём озадаченного Тихохода.

– Ты только это... не пугайся, – устрашающую формулу он произнёс так, словно обращался к душевнобольному, – как чувствуешь-то себя?

– Хорошо, лёгкость такая в теле, – вопреки его явно взволнованному тону, почувствовала себя действительно отменно, – только ты крупный какой-то... Ты что с собой сделал?

– Э-э-э-э... – замешкался с ответом гном.

– Подожди... подожди... – смутные сомнения начали одолевать меня, когда в огромном плетёном бауле я узнала свою котомку. – Ах ты ж проходимец квазимедицинский! Ты уменьшил меня... пришибу паразита! – с моими новыми габаритами угроза прозвучала крайне неубедительно, даже почти мило. – Да я ещё и голая... почти!

Сказать, что одежда висела на мне мешком – не сказать ничего, я просто терялась в огромном балахоне, напоминающем палатку с вырезом. К тому же налипшая местами грязь высохла, позволив облачению стоять без моего участия.

– Ну-ка отвернись, прохиндей! – проникшийся моим негодованием гном смущённо отвел глаза. – А лучше одежду дай какую-нибудь! – свирепствовала я, как котёнок в ладошке.

– Вот натура-то женская, все что одна! Спасает их, спасает, а вместо благодарности они последнюю рубаху с тебя сымут! – бурчал горе-алхимик, но, тем не менее, отправился к сложенной возле ослика поклаже и принялся нехотя ковыряться в ней.

Немного успокоившись, отправила Тихохода прогуляться. Сама, с трудом выбравшись из отвердевшей одежды, взялась изучать гардероб, любезно предоставленный мне гномом. Из вороха мало подходящих вещей выбрала длинную рубаху с короткими рукавами. Теперь на мне она смотрелась как просторная туника. Добавила к ней широкий пояс, больше чем в два оборота обхватывающий талию, и тем самым удачно подчёркивающий её стройность.

А вот с обувью оказалось значительно хуже. Сапоги запасливого бородача мне явно были велики, в таких далеко не уйдёшь. Однако за неимением лучшего пришлось взять их. В качестве украшения перевязала волосы яркой лентой и прицепила к поясу кинжал. Пользоваться им, конечно, не умею, но камень на его рукоятке и вычурные ножны хорошо подходили к выбранной мною ленте. Последним штрихом стала просторная набедренная сумка, крепящаяся к ремню. Если бы не отсутствие нижнего белья, то получилось бы вполне прилично. Несмотря на это досадное упущение, я осталась вполне довольна результатом и от того встретила виновато слоняющегося по округе гнома с улыбкой.

– Ну, как тебе? – мне не терпелось услышать мнение какого-никакого, но всё-таки мужчины.

– Туда-сюда, – уклончиво ответил гном, но его порозовевшие над густой бородой щёки можно было считать комплиментом. – Теперь-то тебя и прокормить легче будет. Кстати, я в городок ближайший собрался, закупиться надобно, да и зелья продать, что наготовил, пока ты под деревом прохлаждалась.

– Чур, я с тобой, – обрадовалась я, – никогда в людских городах не бывала! И кто тебя опять вытаскивать будет, если признательные клиенты захотят своего благодетеля ещё кому-нибудь скормить!

– Сам себя вытасу, не впервой! – снова обиделся гном, – а от тебя, пигалица, хлопот-то больше будет, нежели проку.

– Пигалица, говоришь?! А по чьей милости? – сдвинув брови и уперев руки в бока, красноречиво посмотрела на бородача.

– ... Хотя сапожки-то тебе поменять надобно, – тут же нашёл с чем согласиться Тихоход, – идём что ли, в городе-то и прикупишь.

Заботливо укрыв ветками оставленную под деревом котомку и снарядив Пифагора всевозможными бутылками на продажу, мы двинулись к городу.

Глава шестая. Город

Идти по лесу с моим новым ростом оказалось значительно удобнее, особенно это стало заметно, когда мы вышли на одну из хорошо вытоптаных тропок. Большую часть пути я дивилась неожиданно приобретённой и такой странной для меня точке зрения на мир. Только гномьи сапоги доставляли заметное неудобство, отвлекая от окружающего пейзажа. Мои ноги болталась в них, как черпак в пустом котелке. Идти босиком оказалось ещё хуже – корни и мелкие камни больно врезались в ставшие непривычно чувствительными ступни. К счастью, шагать пришлось недалеко, вскоре мы вышли на изобилующую пнями опушку, знаменующую приближение к людскому жилищу. Неподалеку от неё уже начинались приземистые деревянные домики.

– Это и есть город людей? Не впечатляет как-то, – окидывая взглядом кособокое строения разочарованно заметила я.

– Это пригород ещё, считай, что деревня, а город-то дальше.

По ухабистой дороге мы двинулись вглубь городка, распугивая путающуюся под ногами дворовую живность вроде кошек, кур и гусей. Теперь свежеприобретённые габариты вызвали совсем иные чувства – лохматый пёс, выскочивший из-за дырявого забора, напугал меня чуть ли не до икоты. Сперва мне показалось, что его размерам и зубастой пасти позавидовал бы горный лев, а отойдя от испуга, поняла, что кобелёк был самый заурядный. Мужики в косоворотках, то и дело с интересом поглядывающие на мой слегка нескромный наряд, казались не обычными поселянами, а опасными громилами. Однако и плюсы моего положения оказались налицо, если бы не привлекающие внимание гномьи сапоги, то вполне могла сойти за обычную путницу-человека, и это открывало мне малоизвестный мир простого быта людей.

С каждой улочкой народу вокруг встречалось всё больше, домики становились ровнее, а окружающие их дворики меньше. Даже начинали появляться строения с каменными стенами. За одним из таких зданий – широким двухэтажным, выкрашенным в белый цвет и даже охраняемым, начиналась торговая площадь – не чета той, что видела за горбатым мостом в памятной деревне. Передо мной раскинулось обширное пространство, мощёное гладким камнем и битком набитое людьми. Впрочем, иногда встречались и представители других рас.

С первого взгляда заметила, что ровные ряды разноцветных лотков располагались согласно строгому порядку, в зависимости от разложенных на прилавках товаров. Также в центре рынка виднелся огромный шатёр, приковывающий внимание зевак и украшенный гирляндами флажков.

– Ты это, иди, прогуляйся, да обувь-то себе прикупи, – заметив разгорающееся пламя любопытства в моих глазах, предложил Тихоход, – денжат вот возьми немного, да смотри, в дела ни в какие не мешайся.

Гном протянул мне горсть блестящих монеток.

– У меня есть, спасибо, не надо, – гордо отказалась я.

– Ты бери, если что останется, вернёшь потом, – не давая возможности возразить, Стеклодуй сунул мне в руки пригоршню металлических кружляков. – В купеческом квартале без гроша-то свободного делать нечего. А я поторгую пойду, на товар мой завсегда спрос найдётся. Коли сама у меня надумаешь чего приобрести, так зелья приворотные опять есть, и от нервов кое-чего имеется; как обещал, тебе за четыре монеты отдам, – ехидно усмехнулся гном.

Запомнил же чертяка бородатый! Занятые внезапными щедротами руки лишили меня возможности наглядно продемонстрировать, что даже когда я без дубины шутить со мной следует аккуратнее. Никак и это предусмотрел – жулик! В подтверждение моей догадки гном лукаво подмигнул и на всякий случай отскочил в сторону. Впрочем, этот маневр не помог ему укрыться от ответной колкости:

– Знаю я твои зелья приворотные! Коровы мне не по вкусу, ни есть, ни целоваться! – и совершенно неподобающим для леди образом показала язык этому невыносимому проходивцу.

Пифагор остался единственным, кто вёл себя достойно в нашей маленькой компании. Ослик со стоическим спокойствием наблюдал перебранку, лишь изредка величаво помахивал хвостом, отгоняя мух.

Лёгкая пикировка подняла моё и без того хорошее настроение. Ссыпав монетки в карман, помахала мужской части нашей команды и отправилась за покупками. Сперва решила разузнать, что же за шатёр висится посреди торговой площади, и нырнула в пёстрый поток людей.

Никогда прежде мне не доводилось лавировать в такой толпе. Наш немногочисленный народ редко собирается числом больше десяти, поэтому нечто подобное я видела лишь во время ритуала Стоячих Камней – ведь поглазеть на него собирался и стар и млад. Проталкиваясь сквозь торговые ряды, я прислушивалась не только к своим ощущениям, но и к разговорам окружающих:

– Слышал, титаны давеча на болотах гигантшу выползням болотным скормили?

– Ничего не скормили! Она у них урхула дрессированного из клетки уволокла. Ищут её теперь, сам бумагу видел!

– Это ещё что... поговаривают, великанша с гор спустилась и хотела весь люд в Кривятухе пожрать! Так, Замар – староста ихний, гномьих снадобий напился и великаншу ублажил!

– Ублажил?! Да куда ему, быть того не может!

– А потом гнома этого, ей-богу, ей же и скормил! Видать, чтоб зелий своих не продал никому боле.

– Так это она об нём ревела, ещё...

– О гноме?

– Об старосте!

– Так то до того было...

– Девонька, а тебе чего надобно? – базарные сплетники дружно уставились на меня.

– А... я... эмм... – помогая себе руками, я пыталась сформулировать мысль, сводящуюся к тому, что всё вышесказанное есть полная и несусветная чушь.

– Глухонемая чо ль? Ох! С каждым годком хворых всё большей деетсяя.

Сообразив, что продолжать этот разговор, пышущий смыслом, как ледышка огнём, нет никакого толка, я молча удалилась. Становиться поводом для ещё одной ярмарочной истории, пожалуй, рановато.

Добравшись до цветастого шатра, обнаружила над входом яркую надпись: «Фсмирное шоу ретких дековинак!». Явные ошибки не так сильно корёжили мою ранимую душу, сколь измывались над ней дикие цветочные решения окружающего оформления, выполненные в популярной стилистике: «зато видно сразу». Под вывеской дремал серо-зелёный гоблин в грязном камзоле того же цвета. Заметив меня, гоблин, контрастирующий своей монохромностью с окружающей вакханалией красок, встрепенулся и высоким голосом выпалил заученный текст:

– Спешите насладиться на зависть соседям и расскажите друзьям! Всемирное шоу редких диковинок! Представляет собранную со всего мира коллекцию диковинных редкостей! Только сегодня, гвоздь коллекции – «БОБРОВАЯ КАПУСТА», неподвластна вредителям и времени, на вкус точно мёд! Приобретена за несметные сокровища в далёком и солнечном Киростане, у коварного шаха Оболурды Злобного! Пробовать на вкус предметы экспозиции запрещено. Вход – две монеты.

Гоблин выжидающе уставился на меня, очевидно, полагая, что ни один здравомыслящий человек не откажется от такого умопомрачительного предложения за столь скромную плату. Меня слегка передёрнуло от воспоминаний о непередаваемой горечи задубевшей капусты, и дабы не испытать на себе прочие навыки убеждения проснувшегося зазывалы, я сосредото-

ченно уставилась на расположенную рядом доску объявлений. Делать вид, что увлечена, мне не пришлось, объявления и в самом деле приковали моё внимание.

Прежде всего в глаза бросилось кривоватое изображение жуткой женщины с чем-то похожим на ствол дерева в руке. Текст рядом гласил: «Именем пресветлых и равных богам! За расхищение и порчу имущества разыскивается гигантесса. Особые приметы: рост – около двух человеческих, дубина в руке, плетёная котомка при себе. Имеет сложности с устным выражением мысли. Для допроса. Предоставить живой».

Ах, сложности с устным выражением мысли! Я покажу этим титанам – сложности! Найду и до каждого персонально мысль донесу! Вот только дубину свою отыщу, не мутузить же их берёзой какой-нибудь, как на рисунке, не по чину это «равным богам».

Рядом висел уже изрядно истрёпанный временем пергамент со знакомым изображением здания с четырьмя колоннами и парой рослых воинов, вооружённых пиками – точно такой же, но пожеванный осликом валялся где-то на дне моей котомки. У этого экземпляра надпись сохранилась полностью: «Библос Титанум – святилище знаний великих титанов! Волею равных богам, светоч мира, погрязшего во тьме невежества, приглашает к сотрудничеству искателей приключений и проводников. С целью проведения научных экспедиций и полевых изысканий. Желющие могут обращаться в ближайший храм «Равных Богам».

«Ближайший храм» – звучит не очень величественно... и получается, они всего лишь набирали себе обслугу, а я-то думала, что мне удастся прикоснуться к по-настоящему великим знаниям. Значит, поход в Библос Титанум придётся отложить. Никто меня не приглашает и уж тем более не ждёт. Хотя... судя по предыдущему объявлению, меня всё-таки ждут, однако почитать что-нибудь кроме списка предъявленных обвинений мне там вряд ли предложат.

Не то чтобы я всерьёз рассчитывала на приглашение, висевшее на базарном столбе в захолустной деревушке, но сам факт того, что у моего путешествия была хоть какая-то цель, спасал от ощущения бессмысленности существования.

Из цветастого шатра послышалась ругань. Похоже, кто-то из посетителей, несмотря на запрет, всё же попробовал хваленую Бобровую Капусту и теперь возмущался обманом, поскольку на ощупь и вкус она не отличалась от обыкновенной. Писклявый гоблин тем временем кричал что-то о подмене и требовал возмещения трат, притом разом и за украденный, и за повреждённый экспонат.

Я же, проглотив печаль, поднявшемуся из глубин души, пошла дальше, не особо обращая внимание на то, что происходит вокруг. Былой задор и желание разобраться в тонкостях быта людей оставили меня. Сейчас предпочла бы оказаться в одиночестве, где-нибудь на склоне холма. К счастью, горожане не приставали ко мне с расспросами, может гномьи сапоги, болтающиеся на ногах, оказывали отпугивающее действие, а, может, я так удачно влилась в городской пейзаж, потому что просто никому не было до меня дела. Однако через час, всё ещё намереваясь всерьёз грустить, обнаружила, что люблюсь понатыканными непривычно часто домишками, удивляюсь тому, что люди почти не строят принятых у нас общих залов, предпочитая индивидуальное жильё, и что вопреки желанию, прогулка по городу подняла мне настроение. Видать, за неимением холмов сгодились и мощёные улочки.

Наконец, перестав заниматься глупым самоедством, я вновь с интересом глазела по сторонам, вглядываясь в прилавки и витрины торгового квартала. Всё-таки когда ещё доведётся так запросто побывать в людском городе, не привлекая к себе лишнего внимания? Посмотреть было на что.

Первыми мне попались оружейные и столярные мастерские, в них под навесами трудились местные работяги. Чуть поодаль бронных дел мастера развешивали свои изделия на грубо сколоченных манекенах. Мне показалось странным, что люди так разделяют профессии, ведь любой гигант-ремесленник один владеет всеми этими умениями, пусть и работает грубее.

На следующей улочке начинался ткацкий ряд – удивительные ткани и новенькие наряды манили не меньше объятий любимого. Не в силах устоять перед искушением я, точно зачарованная, устала на бирюзовое, в меру приталенное платье, отливающее шёлком и серебристым шитьём. Пожалуй, оно было даже лучше, чем моё торжественное облачение для ритуала Стоящих Камней, и обруч наречённой невесты к нему бы хорошо подошёл.

Я так засмотрелась, что перестала обращать внимание на плотный людской поток, разноцветной толпой струящийся по узковатым улочкам, и тут же налетела на кого-то. Жертвой моей невнимательности оказалась невысокая девушка в белом сарафане, с собранными в длинную косу волосами. Хорошо, что мы с ней теперь были одного роста, иначе этот инцидент мог бы закончиться печально.

– Извините, на платье засмотрелась – после секундной паузы смущённо выдавила я из себя.

– Ничего-ничего, я сама на него налюбоваться не могла, – с улыбкой ответила незнакомка и упорхнула дальше по улице.

Стараясь больше ни на кого не наткнуться, я продолжила свой неспешный променад и сама не заметила, как остановилась перед двумя лавками с говорящими названиями: «Изящные туфли Рэнэ Нэтэльере» и «Удобные сапоги для всех дорог». Учитывая мою текущую обувь и образ жизни, выбор казался очевидным, но я отчего-то медлила, любясь витиеватой вывеской первого заведения. Тут дверь его отворилась и на улицу грациозно выплыла сияющая улыбкой горожанка, та самая, в белом сарафане, с которой я недавно столкнулась. Девушка стала заметно выше, изгибы её тела приобрели манящую плавность, а манеры и осанка – царственную грациозность.

Я уже видела такой эффект! Грешные невесты Таннанга! Это же та магия, что обрекла меня на изгнание и помогла рослой девице стать новой женой Владыки наших земель. Я должна узнать этот секрет! Через мгновение мой непривычно маленький кулачок уже стучал в дверь лавки.

– Прошу вас, входите без стука! – из-за двери раздался бархатистый голос немолодого мужчины. – Я, Рэнэ Нэтэльере, приветствую вас, сударыня, чем могу служить? Ах, понятно, – тут же кивнул приятный старичок, окинув меня беглым взглядом. Моя не по-женски утончённая, словно вырубленная киркой из гранита обувь говорила сама за себя. – Позвольте взглянуть на ваши ножки?

– Пожалуйста, – одну за другой, без малейшего затруднения я извлекла ступни из просторных сапожищ и встала на прохладный паркет.

Башмачник, если так можно назвать импозантного мужчину в простом, элегантно сидящем сюртуке, разглядывал мои стопы не дольше секунды и, удовлетворённо хмыкнув, удалился.

– Думаю, для вас у меня кое-что найдётся, – он появился из-за ширмы с двумя парами туфель. – Начнём вот с этих, – хозяин магазинчика протянул мне изящные «лодочки», лоснящиеся великолепно выделанной замшей, – примерьте.

С неописуемым трепетом я взяла из его рук первую пару – странный, очень высокий и узкий каблук изумлял своей непрактичностью. В такой обуви по болотам не поскачешь. Куда уж, по бульжной мостовой не пройдёшь спокойно. Тем не менее, с интересом надела это обувное чудо. Непривычное ощущение давления на подушечках и пальцах стопы, напряжённые икры и явные сложности с удержанием равновесия – вот не полный список моих ощущений. Зато результат оказался потрясающим, в зеркале я видела тот самый эффект, дважды замеченный у других девушек. Душа моя спешно отказалась от мечты о походном гномьем поясе со складной кружкой и прочими полезными предметами, и тут же возжелала приобрести это произведение искусства; несмотря на отчётливое понимание всей неразумности этого действия.

– Вижу, не ошибся с предложением. Вам очень идёт, – удовлетворённо улыбнулся почтенный Рэнэ Нэтэльере, – сидят великолепно, попробуйте пройтись.

Я сделала пару неуверенных шагов и чуть не свалилась, неудачно перенесла вес на пятку. Меня спас только вовремя подставленный локоть владельца магазина.

– Хмм... – протянул обувных дел мастер, – вижу, такая обувь вам в новинку. Наденьте вот эти, каблук у них устойчивее.

Вторая пара обладала не таким высоким и заметно более широким каблуком, а также чуть более толстой подошвой. Тем не менее, и она не была лишена утончённой элегантности, столь для меня непривычной.

Нэтэльере оказался прав, передвигаться в этих туфлях оказалось значительно удобнее. Сделав несколько пробных шагов по комнате, я окончательно в этом убедилась. Мне даже не понадобился локоть мастера, чтобы устоять на ногах. Отражение в зеркале выглядело вполне заманчиво, хоть и чуть менее выразительно, чем с предыдущей парой. Я однозначно была довольна результатом и с замиранием сердца подняла взгляд на лавочника, наконец решившись озвучить пугавший меня вопрос:

– А сколько они стоят?

– Сто пятьдесят.

Я нервно сглотнула. Таких денег у меня, конечно, не было.

Всё же я принялась внимательно пересчитывать свои скромные фонды. Мои сбережения, вместе с насильно всунутыми предусмотрительным гномом деньгами, составили восемьдесят семь монет.

– Простите, я, наверно, в другой раз зайду... – отступая к выходу, чувствовала себя перед импозантным старичком почти так же сконфуженно, как перед титаном на болоте.

– Юная леди, вижу, для вас это первое подобное приобретение...

– Да, – продолжая смущаться, но прекратив отступление, ответила я.

– В таком случае, позвольте сделать вам небольшую скидку, – улыбнулся обувных дел мастер, – в гардеробе у такой прекрасной дамы, как вы, должна иметься хоть одна пара настоящих туфель. К тому же, ваши манеры совсем не идут в сравнение с вашим одеянием, и это нужно незамедлительно исправить. Готов отдать их вам за полцены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.